

ГРОБНИЦА,

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ГРОБНИЦА,

сочиненіе

Гжи. РАДКЛИФЪ,

изданное послѣ ея смерти.

Переводъ съ Французскаго

А. С.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
Въ Типографіи Селивановскаго,
1802.

**Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.**

ГРОБНИЦА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сирѣ Карлѣ и сестрѣ его Женни плыли уже цѣлой мѣсяцъ подѣ всѣми парусами. Они возвращались изѣ Ямайки, куда привело ихѣ желаніе видѣть нѣжнаго опца и любезную мать; но обманувшись въ этой сладкой надеждѣ, они не могли ничего узнать о своихѣ родителехѣ, и послѣ тщетныхѣ розысковѣ возвращались въ Англію.

Огорченный неудачнымѣ путешествіемѣ, Сирѣ Карлѣ не могѣ наслаждаться сномѣ; и между шѣмѣ, какѣ весь экипажѣ покоился въ объятіяхѣ

Морфея, онъ бродилъ въ задумчивости по палубѣ. Побуждаемъ благопріятнымъ вѣтромъ, корабль быстро кашился по волнамъ; утренняя заря протоняла звѣзды; горизонтъ украшался блестящимъ пурпуромъ; дневное свѣшило, выходящее изъ безднъ Океана, позлащало его поверхность; но Сиръ Карлъ былъ нечувствителенъ къ красочамъ природы и думалъ только о своихъ родителехъ. Его нѣжная къ нимъ привязанность изыскивала средства открытъ мѣсто ихъ пребыванія, и эта непроницаемая пайна умножала его безпокойство.

Георгій Гюшнеръ, имѣвшій двадцать восемь лѣтъ отъ роду, по способностямъ своимъ получилъ въ команду корабль, на кошоромъ находился Сиръ

Карлъ; онъ безпрестанно старался разсѣять грусть своихъ любезныхъ пассажировъ. Сверхъ искренняго почтенія, которое онъ къ нимъ имѣлъ, красота Женни сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Къ нѣжной бѣлизнѣ тѣла присоединяла она потѣ плѣнительной видѣ, которыми Рафаелева кисть украсила свои произведенія. Прекрасные ея кашпановые волосы, лежащіе локонами по плечамъ; голубые глаза, въ которыхъ видна была чувствительность и скромность; наконецъ Ангельская ея улыбка уподобляли ее одной изъ тѣхъ мнимыхъ красотъ, которыми пылкіе умы населили область воображенія. Гюпнеръ не могъ быть равнодушенъ къ такимъ прелестямъ, и между тѣмъ, какъ глаза его устремлялись

сѣ восхищеніемъ на Женни, любовь напечатлѣла образъ ея въ его сердце. Тайная привязанность Гюпнера къ Женни побуждала его искашь дружбы ея брата, которую онъ легко и приобрѣлъ; да и какъ Сиръ Карлъ могъ бытъ нечувствителенъ? Симпатія должна была соединить ихъ: они имѣли одинакія наклонности, одинакіе вкусы и пошому связь ихъ была искренна. До сихъ поръ Гюпнеръ не отваживался спросить Сиръ Карла о причинѣ его печали; но наконецъ онъ думалъ, что взаимная ихъ привязанность даетъ ему на то право. Будучи увѣренъ, что самая глубокая горестъ облегчается, когда истинная дружба принимаетъ въ ней участие, онъ просилъ Сиръ Карла открыть ему при-

чину своей печали, которой съ охотою согласился ввѣришь найну души своей другу. Послѣ ѡбѣда Сирѣ Карлѣ и сеспра его пошли вѣ Капитанскую каюту; Гюшнерѣ запрешилѣ служилелямѣ входить кѣ себѣ, и Сирѣ Карлѣ началѣ свою повѣсть.

„Я родился, сказалѣ онѣ, вѣ герцогствѣ Ланкасперскомѣ, гдѣ Милордѣ Эдуардѣ Келли, опецѣ мой, имѣлѣ знашныя помѣстья; но будучи еще болѣе богатѣ общимѣ уваженіемѣ, онѣ имѣлѣ право наслаждашья щастіемѣ; однако послѣ узналѣ я, что онѣ прешерпѣлѣ нѣкошорыя нещасія прежде брака своего съ Мисприсѣ Камбель. Рожденіе мое доставило, какѣ опцу моему, такѣ и матери чрезмѣрное удовольствіе; они

оба любили меня очень нѣжно. Послѣдняя, мало занимаясь красотою, которая удивляла всѣхъ ее знающихъ, свято исполняла обязанности, возложенныя на нее природою; не хотѣвъ никому меня ввѣришь, она была сама моею кормилицею и попому я дважды обязанъ ей бытіемъ моимъ. Она рачительно пеклась о всѣхъ моихъ нуждахъ, и ея вниманіе предупреждало: потѣ пронзительной крикъ, которымъ обыкновенно младенцы извѣщаются. Наемная кормилица слушаетъ его равнодушно; но мать почищаетъ его гласомъ природы и слышитъ всегда съ нѣжнымъ участіемъ. Попеченія обо мнѣ были лучшимъ наслажденіемъ моей матери; часно просиживала она по цѣлымъ часамъ у мо-

ей колыбели, вмѣстѣ съ оцемъ моимъ, ожидая моей улыбки, или другаго радостнаго шлодвиженія при моемъ пробужденіи. Эти нѣжные родители безпреспанно меня ласкали; казалось, что они будто имѣли одну душу, для того чтобы равномерно любить плодъ и залогъ взаимной ихъ нѣжности; я росъ и наслаждался въ ихъ объятіяхъ совершеннымъ благополучіемъ. Мнѣ было шесть лѣтъ, какъ рожденіе Женни довершило ихъ щастіе; но ахъ! они не долго его вкушали. За сею эпохою послѣдовало произшествіе, котораго время не могло изгладить изъ моей памяти.

„Однажды отецъ мой былъ на охотѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ служителей, между

тѣмъ какъ остальные занима-
лись сельскою работою. Мать
моя, послѣ упренней прогулки
въ паркѣ, сидѣла подѣ розо-
вымъ кустомъ и читала книгу;
густыя кашшановыя деревья
укрывали ее отъ солнечныхъ
лучей. Я игралъ у ногъ ея на
дерновомъ коврѣ, усѣянномъ
разными цвѣтами. На одной
сторонѣ цвѣли незабудки, на
другой вѣжные ландыши; въ
иныхъ мѣстахъ видны были
простыя полевые нарцисы, ме-
жду коими фіялка разливала
свое благоуханіе. Бальзамиче-
скій воздухъ, копорымъ я ды-
шалъ въ этомъ мѣстѣ, возбуж-
далъ во мнѣ живость; и радост-
ные мои воспорги перерывали
нѣсколько разъ чтение моей
матери, которая часто остав-
ляла свою книгу и улыбалась
моимъ восклицаніямъ.

Вдругъ небольшая калитка, находившаяся близко насъ, отворилась; чепыре челоѡка въ маскаѡ выбѡжали; и между тѡмъ, какъ одни удерживали мать мою на шомъ мѡстѡ, гдѡ она сидѡла, другіе схватили меня и пошацили къ калиткѡ, въ которую вошли. Не взирая на препятствія эшихъ бездѡльниковъ, мать моя, видя что меня похищашъ изъ ея объятій, кричала и просила помощи. Жаксонъ, доброй Жаксонъ, болѡе другъ, нежели служитель моего отца, прибѡгаетъ немедленно. Пистолѡшный выстрѡлъ одного изъ моихъ похитителей повергаетъ его подѡ матери моей, которая отъ ужаса упала въ обморокъ; замаскированные люди кладушъ ихъ одного подѡ другаго и

выходящѣ со мною изъ парка. Одинъ сѣлъ въ почтовую коляску и посадилъ меня къ себѣ на колѣни; другой занялъ мѣсто кучера, а остальные два сѣли верхомъ; и мы поскакали очень скоро.

„Сначала я плакалъ и рвался; но разнообразіе предметовъ, представлявшихся моимъ глазамъ, и ласки моего похитителя мало помалу меня успокоили, не изгладивъ однако изъ памяти мащери моей, о которой я ежеминутно спрашивалъ. Перемѣнивъ нѣсколько разъ лошадей, пріѣхали мы вечеромъ къ прекрасному замку; похитители мои провели меня чрезъ нѣсколько богато мебелированныхъ комнатъ, и вошедъ въ кабинетъ, представили человѣку лѣтъ сорока, которой увидѣвъ меня

вскричалъ: „наконецъ я торже-
ствую. Вѣроломный Келли! ты
будешь въ отчаяніи, лишаешь то-
го, что намъ дорого. О когда
бы ты умеръ съ горести, и я былъ
бы свидѣтелемъ этаго восхити-
тельного зрѣлища!“

Кто это смотритъ въ окош-
ко? — вскричала Женни, прер-
вавъ повѣсть своего брата. Я
никого не вижу, отвѣчалъ Карлъ.
Можешь быть заглянулъ какой
нибудь мапросъ, идучи по па-
лубѣ, сказалъ Гюшнеръ. — Быть
можешь, поспорила Женни, и
Карлъ продолжалъ такимъ об-
разомъ:

„Меня поручили одной жен-
щинѣ, которой запрещено бы-
ло оставлать меня одного, а
особливо выпускать изъ замка.
Грубый видъ, суровый голосъ и
строгое обращеніе госпожи Бра-

унѣ, новой моей надзирапелъ-
 ницы, заставили меня живѣе
 чувствовать разлуку съ мо-
 ей матерью. Однако по проше-
 ствіи двухъ мѣсяцовъ состо-
 яніе мое казалось мнѣ сносно:
 иногда хозяинъ замка, котора-
 го имени я никогда не слыхалъ,
 призывалъ меня въ свой каби-
 нетъ; это мнѣ было слишкомъ
 непріятно; по тому что при
 немъ я совершенно терялъ свою
 смѣлость. Какъ скоро я захо-
 дилъ, то, ставъ подлѣ стула,
 смотрѣлъ въ землю, шевелилъ
 пальцами и едва смѣлъ дышать
 до тѣхъ поръ, какъ онъ при-
 кажетъ выйти мнѣ. Когда же
 осмѣливался я взглянуть на не-
 го, то встрѣчалъ всегда его
 взоры, въ которыхъ написана
 была нѣжность, уступающая
 мгновенно мѣсто мрачной суро-

воспи. Мнѣ казалось также, что онѣ сравнивалъ мои черты съ портретомъ, коимъ былъ у него въ табакеркѣ. Однажды, какъ онѣ смотрѣвъ долго на эпортъ портрета, закрылъ руками лице свое и воздыхалъ очень тяжело, любопытство мое преодолѣло страхъ, я взялъ табакерку, которую онѣ поставилъ на столъ: въ ней былъ портретъ матери моей. Я узналъ его и цѣловалъ съ восхищеніемъ; но вскорѣ попомъ гонимель мой взглянулъ на меня шоль сердито, что я осматривая табакерку, бросился опѣ него бѣжать, и счичалъ себя въ безопасности тогда шолько, когда уже былъ подлѣ своей надзирашельницы.,,

Однимъ утромъ проходя съ нею мимо кухни, увидѣли мы

бѣднаго человѣка, которому повара дали нѣсколько кусковъ хлѣба. Госпожа Браунъ, не любя бѣдныхъ, закричала спрогнать голосомъ: „за чѣмъ впустили вы эшаго человѣка? развѣ забыли, что Милордъ запрещилъ пускать сюда постороннихъ людей?“, — Успокойтесь, сударыня, сказалъ поваръ: это несчастный человѣкъ, который уйдетъ отсюда, какъ скоро нѣсколько побѣдитъ. Несчастный? Несчастный? . . . Много такихъ несчастныхъ входящихъ въ дома только для того, чтобы узнать всѣ переходы, а ночью съ такими же бездѣльниками!,, — *Ахъ, сударыня!* прервалъ бѣдный, *повѣрьте, что я неспособенъ* Сказавши это, взглянулъ онъ на меня, и не могъ болѣе выго-

ворить ни слова. Не взирая на рубище, въ которое онъ былъ одѣтъ, я узналъ въ немъ камердинера моего отца. Не предвидя несчастій, кошорья могла произвестъ моя неоспорожность, я съ радостію бросился къ нему, и вскричалъ: *Любезный Жаксонъ! отведи меня къ маленькѣ.* Тутъ многіе изъ слугъ схватили Жаксона, между тѣмъ, какъ другіе бросились увѣдомить о томъ моего гонителя; онъ прибѣжалъ въ великомъ гнѣвѣ. Негодный! говорилъ онъ, какъ осмѣлился ты войти сюда? „Ахъ, сударь! отвѣчалъ Жаксонъ: Милордъ Келли согналъ меня съ двора съ тѣхъ поръ, какъ похитили его сына, и теперь я кормлюсь однимъ подаяніемъ! — „Вздоръ, продолжалъ мой гони-

пель: не надѣйся обмануть меня; я знаю свое намерение: бывши моимъ убійцею, ты хочешь еще быть теперь шпиономъ; но ты будешь достойно наказанъ! — Возьмите его! — Множество слугъ, которые были столь же жестоки, какъ и господинъ ихъ, бросились на Жаксона. Не взирая на это, я пролѣзнулъ между нихъ, и ухватясь за него, держался очень крѣпко. Одной рукой онъ отбивался отъ варваровъ, которые на него напали, а другою прижималъ меня къ себѣ; но ахъ! меня вырвали изъ его объятий, и жестокая моя надзирательница ушатила меня въ свою комнату.

„Сіе происшествіе сдѣлало на меня глубокое впечатлѣніе. Не зная, что сдѣлалось съ Жак-

сономъ, я безпрестанно о немъ думалъ и увсѣхъ спрашивалъ, но никто не отвѣчалъ мнѣ. Сперва я жалѣлъ, что онъ выгнанъ изъ дому отца моего; но вспомнивъ упрекъ, который ему сдѣлалъ гонитель мой, подумалъ, что бѣдность и слова Жаксона были прищворныя и что посредствомъ этой хитрости хотѣлъ онъ узнать обо мнѣ, и можетъ быть, избавить меня. Сія мысль заставила меня еще болѣе любить Жаксона и показала мнѣ ошибку, сдѣланную мною, когда я бросился обнимать его. Я видѣлъ, что безразсудной мой поступокъ лишилъ меня помощи, которую онъ безъ сомнѣнія хотѣлъ мнѣ доставить, и что я былъ виновною жеспокосшей, имъ претерпѣваемыхъ. Искусившись соб-

спвеннымъ опытомъ, я общался самъ себѣ бышь впредь гораздо осторожнѣе.

„Госпожа Браунъ занималась обыкновенно работою въ залѣ нижняго этажа, откуда отворялись двери въ садъ, гдѣ я могъ свободно играть и бѣгать. Однажды, какъ я дошелъ до бесѣдки, находящейся на краю сада, услышалъ я стонъ. Въ чрезвычайномъ изумленіи смотрѣлъ я вокругъ себя и ничего не видалъ; наконецъ мнѣ показалось, что стонъ стонъ выходилъ изъ подъ камня, проверченнаго во многихъ мѣстахъ, и чрезъ который входилъ воздухъ въ погребъ, находившійся подъ бесѣдкою. Приблизясь къ ней, услышалъ я слѣдующія слова: „О мой господинъ; мой любезный господинъ! есть-

ли бы ты зналъ, въ какомъ положеніи швой слуга находится! Бышь такъ близко отъ эшаго любезнаго ребенка и не имѣшь средства дашь объ немъ знать его родителемъ! . . . ,

„Ничто не могло сравниться съ моимъ восхищеніемъ, когда я узналъ Жаксоновъ голосъ: я бросился на землю и приложивъ ротъ къ отверстію камня, кричалъ: — „Жаксонъ! мой добрый Жаксонъ! я здѣсь! . . . *Что за голосъ?* говорилъ Жаксонъ. — „Это я, это Карлъ.“ — *Ты, мой милый Карлъ!* — Да! — *И такъ ты не забылъ меня?* — „Онѣшь!“ — *Доброй ребенокъ!* — „Мнѣ бы хотѣлось тебя выпустить.“ — *Не возможно, милой Карлъ!* — „Въ какомъ мѣстѣ ты находишься?“ *Подъ крыльцомъ бесѣдки; скажи мнѣ, камень; кото-*

рыль заваленъ ко мнѣ ходѣ, при-
 крѣпленъ ли къ другимъ камень-
 ямъ? — „Нѣтъ, онъ одинъ, но
 очень широкъ.“ — Есть ли у
 крыльца перила? — „Желѣз-
 ные“ — Хорошо; нѣтъ ли близ-
 ко веревки? „Нѣтъ; но погоди
 не много, я принесу ее изъ ша-
 лаша, въ кошоромъ садовникъ
 кладетъ свои инструменшы.“
Постой, милой Карлъ! скажи
мнѣ: давно ли ты отлучился изъ
замка? — „О! очень давно“ —
И такъ сего дня ты не можешь
ничего для меня сдѣлать; а
завтра постарайся принестъ мнѣ
веревку. — „Постараюсь не-
премѣнно! — Теперь поди домой
и отнюдь не говори обо мнѣ „О!
не безпокойся!“ Прости, милой
Карлъ! Прости Жаксонъ, зав-
тра я сюда буду.“

„Кончивъ разговоръ мой, я пошелъ назадъ, и возвратился въ залъ другою дорогою; госпожа Браунъ была еще за работою, и не примѣтила моего долгаго отсутствія. Я намѣренъ былъ достать въ тотъ же день веревку; но между тѣмъ наступилъ вечеръ, и мы возвратились съ госпожею Браунъ въ ея комнату. Ночь казалась мнѣ очень долгою, и я еще въ первой разъ узналъ мучительную бессонницу.

„На другой день, занявъ будучи Жаксономъ и думая о моемъ общаніи, я писалъ себя пріятною надеждою возвратишь ему свободу. Мысль сія приводила меня въ восторгъ; всѣ мои прежнія забавы были уже мнѣ скучны, да и могли я чемъ инымъ занимашься, ког-

да заранѣе вкушалъ удовольствіе помочь несчастному? Сладкое упоеніе чувствъ моихъ было оживлено какимъ-то божественнымъ огнемъ, и минута, въ которую услышалъ я Жаксоновъ голосъ, была эпохою переменъ моего бытія: ибо я тогда только почувствовалъ, что имѣю душу. Послѣ крайняго нетерпѣнія настала наконецъ минута, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая. Какъ скоро обѣдъ кончился, то госпожа Броунъ сошла въ залъ, гдѣ обыкновенно занималась работою, а я“

Это сестра Сиръ Карла, сказалъ одинъ голосъ. Гюшнеръ, Сиръ Карлъ и Женни взглянули на то мѣсто, откуда былъ слышанъ голосъ. Опять то же лице, вскричала Женни. Я и самъ

его видѣлъ, сказалъ Сирѣ Карлѣ; вотъ что страшно, примолвилъ Гюннеръ: я ничего не видалъ; однако мнѣ хочется узнать, кто этотъ любопытный человекъ? Онъ вышелъ изъ каюты и опять скоро возвратился; я ничего не развѣдалъ, сказалъ онъ: много пассажиры прохаживаются по палубѣ; но матросы не видали, чтобы ктонибудь подходилъ къ этому мѣсту; впрочемъ что намъ за дѣло? Дѣйствительно, сказалъ Сирѣ Карлѣ: я не знаю, за чемъ мы такъ много эшимвъ занимаемся? Однако, не взирая на равнодушіе Сирѣ Карла; Жени взглядывала нѣсколько разъ на окошко, откуда слышанъ былъ голосъ, между тѣмъ какъ братъ ея продолжалъ свою повѣсть.

„Какъ скоро госпожа Бра-

увѣ занялась работою, я пошелъ въ шалаши садовника. Садовникъ былъ пьянъ и спалъ очень крѣпко; но не смотря на это, я вошелъ съ великимъ страхомъ, и какъ скоро досталъ веревку, побросился вонъ съ крайнею поспѣшностію. Подошедъ къ бесѣдкѣ, вскричалъ я: „Жаксонъ, Жаксонъ! я освобожу тебя; вотъ веревка, которую ты прѣбывалъ: она очень длинна. *Тѣмъ лучше.* — „Что же мнѣ дѣлать? — *Пропусти ко мнѣ конецъ ея въ отверстіе ко мнѣ.* — „Удалось! о Жаксонъ, какъ я радъ, что возвращу тебѣ свободу! „*Ахъ! другъ мой! ты принесъ мнѣ снурокъ!* „Да и у меня его цѣлой клубокъ “ — *Но мнѣ иль чистого не лзя сдѣлать.* — Какъ! тебѣ не лзя будетъ выпти изъ

швоей шемницы?“ — *Безъ толстой веревки не возможно.* — „А! я вижу новую веревку, копорую садовникъ пригоповилъ для колодезя: будешъ ли она годиться?“ — *Очень хороша* — „Я шопчасъ принесу ее“ — *Боже мой! дай этому слабому творенію потребныя силы для моего освобожденія!* — „Ну, Жаксонъ! вотъ шебъ конецъ веревки; что же шеперь должно дѣлать?“ — *Подождать, пока я завяжу большой узелъ.* — „Пожалуйста поскорѣй, мнѣ хошѣлось бы, чшобы шы былъ уже на свободѣ“ — *Теперь перекинъ веревку черезъ перила, и подай мнѣ другой конецъ.* — „Хорошо! — *Не робѣй, милой Карлъ!* — „Дѣло сдѣлано, вотъ шебъ другой конецъ.“ — *Пропусти его въ отверстие, которое на другомъ краю камня,*

сюда? — Тотю такъ, теперь отойди нѣсколько, дабы я могъ приподнять камень.

„Жаксонъ пошянулъ веревку и пошевелилъ камень. Карлъ, сказалъ онъ: возьми нѣсколько камушковъ, и всякой разъ, какъ я буду приподнимать большой камень, старайся ихъ подъ него подкладывать. Это средство было удачно; мало помалу камень былъ приподнятъ, но песокъ около него обсыпался, и онъ упалъ въ яму. Я думалъ, что Жаксонъ будетъ задавленъ, однако онъ такъ хорошо стоялъ, что не потерпѣлъ ни малаго вреда. Такъ какъ веревка была очень длинна, то она осталась на перилахъ и Жаксонъ вылезъ по ней изъ своей темницы.

„Я бросился обнимать его,

и отъ радости не могъ промолвить ни слова; онъ также очень ласкалъ меня, какъ вдругъ мы увидѣли госпожу Браунъ. Мы и она были поражены удивленіемъ; но пришедъ въ себя, она хопѣла кричать. Жаксонъ, бросясь къ ней, ухватилъ ее за руку, и сказалъ грознымъ голосомъ: „Если ты закричишь, то я тебя удавлю. Она запряслась и поблѣднѣла; но Жаксонъ продолжалъ: „я еще болѣе отъ тебя требую; я хочу, чтобъ ты по этой веревкѣ спустилась въ яму, изъ которой я вылезъ! — Какъ? вскричала госпожа Браунъ. Молчи, продолжалъ Жаксонъ: спушись, или я тебя туда брошу? Видя, что онъ былъ готовъ это исполнить, она немедленно рѣшилась ему повиноваться; стала

на колѣни, взглянула жалобно на Жаксона, кошорой указывалъ ей съ гнѣвомъ яму, и спустилась въ нее, думая, что сходитъ въ могилу. Когда она была уже въ ямѣ, то вскричала помнымъ голосомъ: „И такъ я должна буду погибнуть въ этой пропасти!“ *„Не опасайся ничего, сказалъ Жаксонъ: каждую ночь мнѣ приносили пищу; возьми терпѣнїе: заточенїе твое не долго продолжится.“*

„Говоря это, Жаксонъ опрѣзалъ веревку, дабы она не могла по ней вылезть изъ ямы. Мы немедленно удалились и искали удобнаго мѣста, чрезъ кошорое могли бы уйти. Идучи вдоль стѣны сада, Жаксонъ увидѣлъ веревочную лѣсницу; онъ перекинулъ ее черезъ стѣну, такъ что мы легко могли пере-

лѣспѣ на другую сторону. Какъ скоро мы были на свободѣ, то Жаксонъ взялъ меня на руки и побѣжалъ съ чрезвычайною поспѣшностію; пробѣжавъ около полмили, вошли мы въ небольшую деревушку, гдѣ былъ домикъ, принадлежащій моему опцу. Тамъ мы отдохнули, между шѣмъ, какъ намъ сѣдлали лошадь; какъ скоро она была готова, то Жаксонъ, посадивъ меня съ собою, поскакалъ очень скоро. Въ полночь мы пріѣхали домой.

„Не взирая на предосторожность Жаксона, пріѣздъ нашъ разбудилъ опца моего и мать. Напрасно бы я старался описать ихъ восхищеніе: они извѣляли самымъ чувствительнымъ образомъ свою благодарность Жаксону. Возвращеніе

мое въ опцовской домъ поселило въ немъ прежнюю веселость, и раздѣляя съ сестрой нѣжность нашихъ родителей, я скоро забылъ свой непріятный плѣнъ.

„Казалось, что послѣ моего опсущствія, какъ я, такъ и Женни, спали имъ еще любезнѣе. Отецъ мой посвящилъ себя совершенно нашему воспитанію, и успѣхи наши отвѣчали его нѣжнымъ попеченіямъ. Два года прошекли такимъ образомъ, и каждой день умножалъ наше благополучіе.

„Милордъ Камбель, дѣдъ мой съ матерней стороны, Губернаторъ Ямайской, чувствуя приближеніе своей смерти, хотѣлъ обнять еще разъ прежде смерти любезную дочь свою и зятя. Онъ писалъ къ нимъ слѣ-

дующее письмо: „прошу не лишишь меня удовольствія видѣть васъ; въ вашихъ объятіяхъ хочу я кончить жизнь. Я всегда посвящалъ ее вашему благу: и такъ примите послѣдній вздохъ мой!“ Родители мои не могли опказать почтенному спарику, копорой неоднократно доказывалъ имъ нѣжную свою приверженность; обязанность призывала ихъ къ нему, а благодарность дѣлала это сладкимъ удовольствіемъ. Однако они рѣшились бѣжать не безъ прискорбія; молодость наша съ еестрою не позволяли намъ предпринять такое дальное морское путешесствіе: мнѣ было десять лѣтъ, а ей четыре, но какъ бы могли мы вынести всѣ его шрудности? Почтеніе къ отцу преодолѣло наконецъ

нѣжность къ дѣшамъ: они рѣшились насъ оставить у Сирѣ Жонѣ - Андерсона, брата моего отца, которой не за долго передъ тѣмъ женился. Черезъ нѣсколько дней любезные наши родители отправились въ путь. Я не буду описывать вамъ этой жестокой разлуки; все, что я ни скажу, будетъ недостаточ-но для изображенія взаимной нашей горести.“

Г Л А В А II.

Тутъ вошелъ Штурманъ и прервалъ повѣсть Сирѣ Карла, сказывая Гюннеру, что по всѣмъ признакамъ должно ожидать жестокой бури. Сие извѣстіе успрашило Женни, но преодолевъ робость, сродную ей полу, она не хотѣла ос-

пашься вѣ каюшѣ , и между шѣмѣ, какѣ Гюшнерѣ бралѣ нужныя предосторожности, она вышла съ Сирѣ Карломѣ на палубу , чшобы видѣшь угрожающую опасность. Какое ужасное и великолѣпное зрѣлище предспавилось глазамѣ ея!

Сѣ одной стороны солнечные лучи преломлялись вѣ кипящихѣ волнахѣ ; сѣ другой ночь являлась на мрачномѣ горизонтѣ, и густыя облака, быспро разсыпаясь по лазуревому своду, покрывали его своимѣ мракомѣ. Море волновалось ужасно и шумѣ волнѣ соединялся сѣ глухимѣ ревомѣ опдаленнаго грома. Вскорѣ небо покрылось непроницаемою тьмою, и молнiя освѣщала изрѣдка корабль, кошорой шо возносился къ небесамѣ, шо погружался вѣ бездну.

Сирѣ Карлѣ и сестра его, смотря на свѣтѣ прешаго на эту величественную и ужасную картину; вдругъ блеснула молнія, и Женни показалось, что человекъ, котораго она примѣтила изъ каюшы, стоялъ подлѣ нея. Ей хотѣлось разсмотреть его, но шемноша препятствовала. Она ожидаетъ новой молнии; но свѣтъ блескомъ ея послѣдовалъ такой сильной ударъ, что Женни упала въ обморокъ въ объятія Сирѣ Карла.

Когда она пришла въ себя, то буря уже укротилась и корабль стоялъ на якорѣ въ большомъ заливѣ. Громовой ударъ, отъ котораго Женни лишилась чувствъ, спасъ весь экипажъ; онъ ударилъ въ скалу; отъ которой корабль былъ уже очень близко; Штурманъ, увидя опа-

енность, успѣлъ перемѣнить курсъ; и когда мрачность спала менѣе, то онъ подошелъ къ небольшому острову, гдѣ и остановился.

Между тѣмъ, какъ служители занимались поправленіемъ вреда, причиненнаго бурей, Гюннеръ, Сиръ Карлъ и нѣсколько пассажировъ свѣхали на островъ, подлѣ котораго стояли; но, не зная населенъ ли онъ или нѣтъ и каковъ характеръ его жителей, взяли съ собою восемь человекъ вооруженныхъ магросовъ. Они удивлены были его плодovitію; природа украсила его множествомъ различныхъ произрастѣній: корица, гвоздика, сахарныя тростни и кокосы росли на немъ съ изобиліемъ.

Сиръ Карлъ и товарищи его

вошли въ лѣсъ, состоящій изъ
деревъ всякаго роду; земля бы-
ла усѣяна благоуханными цвѣ-
тами, а пѣніе птицъ, мѣша-
ясь съ пихимъ шумомъ листь-
евъ, колеблемыхъ зефиромъ,
производило въ нихъ пріятное
чувство. Между множествомъ
прекрасныхъ и рѣдкихъ птицъ,
находившихся на островѣ, ви-
дѣли они райскую птицу, шу-
самую, кошорую по красотѣ
своей Натуралистъ Белонъ по-
челъ за феникса, столь славна-
го у древнихъ. Они нашли так-
же на островѣ множество крас-
наго звѣря, но свирѣпаго не
встрѣчали ни одного. Обходивъ
около трехъ миль, возвраши-
лись на корабль, и не видали ни-
чего такого, по чему бы можно
было думатьъ, что островъ оби-
щаемъ.

На другой день Сирѣ Карлѣ сѣхалѣ опять съ своими товарищами на берегѣ и они пошли по острову другою дорогою; прошедѣ нѣскольکو шаговѣ нашли ручей, копорой извивался по блестящему песку. Они думали сперва, что несокѣ былѣ золопой, но разсмотрѣвѣ со вниманіемѣ, узнали, что ошиблись. Идучи вдоль эшаго ручья, вскорѣ увидѣли, что онѣ текѣ подѣ сводѣ, поддерживаемый сполбами краснаго мрамора, около копорыхѣ оплелись разныя деревья. Окружность эшаго мѣста представляла удивительное разнообразіе: земля была усѣяна множествомѣ рѣдкихѣ произрастѣній; между ними возвышались скалы, копорыхѣ блѣдныя и сухія вершины представляли печальное зрѣлище. Нѣ-

сколько далѣе видны были колонны чернаго мрамора, какъ будто погруженныя въ металлическую пѣну и вулканическія изверженія; за ними пороги лавы, застывшей на подобіе каскадъ, грозили обрушиться на зришелей.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени на сію странную картину, гдѣ природа, такъ сказать, разсыпала изобиліе между собственными своими развалинами, путешественники наши перешли черезъ ручей и вошли въ пещеру. Такъ какъ темношара пренятствовала имъ ишли впередъ, то Гюпнеръ послалъ на корабль маэроса, кошорой привезъ четырехъ своихъ поварихей съ факелами, веревками и двумя желѣзными крюками. Зажегши факелы, увидѣли они,

что находясь подъ сводомъ, вышиною въ десять фушъ и прорышимъ въ горахъ краснаго мрамора. Сводъ этотъ шелъ излучиной и въ немъ струился ручей; продолжая итти далѣе примѣтили, что ручей скрылся.

Они увидѣли, что вода его сбиралась въ бассейнъ, фушовъ пятнадцати окружности, которой былъ известной и удивительной бѣлизны. Видя его дно, но не замѣтивъ ни одного опверспія, куда могла бы проходить вода, заключали, что она пробиралась сквозь самую извесь.

Они продолжали итти вдоль пещеры, и прейдя нѣкоторую оплотось, пришли къ мѣсту, гдѣ сводъ раздѣлялся на шрое. Влоравъ самую ровную дорогу, пошли далѣе, и вскорѣ увидѣли, что сводъ спановился вы-

ше и былъ какъ будто отвѣсно раздѣленъ висячею стѣною, которая не доходила до земли и оставляла отверстіе двухъ футъ съ половиною; за нею видна была глубокая рывина; глухой шумъ, которой слышался изрѣдка, зашумѣлъ былъ мгновенно глубокимъ молчаніемъ: все приводило въ шрешель нашихъ спранниковъ. Спрашныя скалы, висящія надъ ними, грозили задавить ихъ, а впереди темная пропасть готова была ихъ поглотить, если они поддадутся впередъ. Единогласно опредѣлили выпши изъ эпаго жилища ужаса, котораго одинъ видъ заставлялъ содрогаться; но Сиръ Карлъ, желая итти далѣе, предложилъ привязать факелъ къ веревкѣ и спустить его въ яму, дабы узнать ея

глубину. Мнѣніе его было принято, и спустя факелъ, увидѣли другую пещеру, которая находилась двадцать футовъ ниже. Сиръ Карлъ, любя чудеса природы, хотѣлъ непременно туда спуститься. Факелъ, опущенный на веревкѣ, привязанъ былъ къ крюку, укрѣпленному въ расщелину камня; а Сиръ Карлъ, подвязавшись другою веревкою, началъ спускаться; взглянувъ на верхъ съ тѣмъ, чтобы поговорить съ Гюшнеромъ, примѣшилъ онъ лице, которое видѣлъ въ окно капитанской каюшы: невольное движеніе понудило его молчать. Онъ спустился безъ вреда и вступилъ на ровное мѣсто; Гюшнеръ, будучи такъ же любопытенъ, какъ Сиръ Карлъ, немедленно ему послѣдовалъ; но ни одинъ изъ

пассажировъ не хотѣлъ быть ихъ товарищемъ : мапросамъ приказано было оспаться наверху.

Гюшнеръ и Сиръ Карлъ, отвязавши факель, увидѣли другой бассейнъ ; онъ былъ прозрачной, шириною сто двадцать футовъ, длиною двѣсти, а глубиною въ два фута. Походивъ по этой пещерѣ, которой стѣны были бѣлая мраморная, узнали они отъ чего происходилъ шумъ, которой иногда до нихъ доходилъ : они увидѣли вершину скалы, откуда вода упала медленно въ рытвину, и эхо повторяло ея паденіе. Продолжая идти далѣе, нашли сводъ, и подошедъ подъ него, кричали мапросамъ, что немедленно возвращаясь ; голосъ ихъ раздался ужаснымъ обра-

зомъ въ пещерѣ; они слышали, что имъ отъвѣчали, но не могли разобрать, что такое.

Дорога, по которой пошли Гюшнеръ и Сиръ Карлъ, была излучиста, а земля и поверхность скалъ имѣла нѣкоторой блескъ, по которому можно было заключить, что это пещера была прорыта быспрымъ пошомъ. Вскорѣ пришли они къ мѣсту, гдѣ дорога кончилась пропастью, въ коей перялся свѣтъ факела; на правой сторонѣ была крутая скала, и черезъ нее нолько можно было идти далѣе. Наши спранники содрогались отъ ужаса; но будучи сполько же любопытны, какъ и смѣлы, отважились на это трудной путь. Сиръ Карлъ всходилъ на скалу съ факеломъ,

Гюшнеръ немедленно за нимъ слѣдуетъ, и шаги ихъ слышны въ безмѣрной пустошѣ пещеры; вдругъ чрезвычайной шумъ приводитъ ихъ въ шрепетъ.

Нѣсколько камней сорвались съ вершины скалы, и съ прескомъ упали въ бездну. Однако они продолжающъ итти, и скоро проходятъ это опасное мѣсто.

Новый путь былъ гораздо труднѣе перваго. Идучи по каменьямъ, пришли они къ гроху, коего блескъ ослѣпилъ ихъ; казалось, что онъ былъ освѣщенъ самымъ великолѣпнымъ образомъ. Удивленіе производило болѣе вліянія на Гюшнера и Сиръ Карла, нежели ужасъ; они стояли неподвижно. Пришедъ въ себя, уви-

дѣли, что эшомѣ гротѣ былѣ украшенѣ каменистою накипью, копорая блестѣла отѣ факела. Они полагаали, что вода небольшого озера, видѣннаго ими въ верхней пещерѣ, пробираясь сквозѣ землю, произвела ее; накипь сія имѣла разные виды: съ одной стороны сводѣ казался украшеннымѣ продолговатыми льдинами; съ другой стороны сосшавляла она родѣobeliska; въ иныхѣ мѣстахѣ казались прозрачныя колонны; наконецѣ взорѣ шерялся въ блескѣ разнородныхѣ кристалловѣ. Ходивши долгое время въ эшомѣ обширномѣ гротѣ, гдѣ они безпрестанно открывали новыя чудеса природы, Сирѣ Карлѣ и Гюшнерѣ увидѣли хрустальной занавѣсѣ, копорой простирался до земли. Желая

разсмотрѣвъ всѣ красоты се-
го очарованнаго жилища, они
опыскали проходъ, копорой
провелъ ихъ позадь занавѣса;
удивленіе ихъ было чрезмѣр-
но, когда они увидѣли шамъ
слова, вырѣзанныя на стѣнѣ;
поднеся факелъ, чинали слѣдую-
щее:

К О Л У М Б Ъ

былъ въ этомъ Гротѣ

6 Октября, 1493 года.

Надпись эша и имя славна-
го мореплавателя возбудили въ
нихъ благоговѣніе: казалось, что
мысль о семъ великомъ человѣ-
кѣ придавала болѣе красоты
эшому чудному произведенію
природы.

Не взирая на удовольствіе,
копорое ощущали Гюшнеръ и
Сиръ Карлъ, разсмащивая эшѣ

рѣдкости, они спѣшили возвратиться къ своимъ поваривцамъ, которые ихъ дожидались; но полагая, что спанувъ сомнѣвались въ помѣ, что они будутъ рассказывать, хотѣли имѣть на то убѣдительныя доказательства. Выбравъ лучшія окаменѣлости, которыя имъ попались, вышли съ шрудомъ изъ этого удивительнаго грота.

Желая съ неперпѣніемъ видѣть своихъ поварищъ, шли они весьма скоро; но вдругъ Сиръ Карлъ спотыкается, факелъ выпадаетъ изъ его рукъ и угасаетъ. Они вскричали опчаянно, и крикъ ихъ, раздаваясь въ пустотѣ, былъ нѣсколько разъ повторенъ унылымъ эхомъ. Глубокое молчаніе послѣдовало сему плачевному воплю;

смертный холодъ, овладѣвшій ихъ членами, казалось, предвѣщаль имъ, что они находясь въ своей могилѣ. Наконецъ имя Женни вылетаетъ изъ устъ Сиръ Карла: Гюшнеръ робко его повторяетъ и оба вздыхаютъ; но мысль о любимой сестрѣ возбуждаетъ мужество перваго. — Онъ ободряетъ своего поварища спокойнымъ голосомъ, и ласкаетъ себя упованіемъ вышши изъ сей ужасной пещеры. О сладкая надежда, драгоценный даръ небесъ! ты вливаешь въ ихъ души упѣшительной бальзамъ свой! ты даешь имъ силы презирашь опасности, которыми они въ темнотѣ подвержены! Сиръ Карлъ отыскалъ факелъ и спарался зажечь его, выбивая искры изъ камней; но такъ

какъ камни эши были известныя, по предпріятіе сіе было безуспѣшно. Не менѣ того они были довольны, что нашли факелъ, ибо имъ ошупывали подъ собою землю. Вскорѣ узнали они, что идушъ не по той дорогѣ, по которой пришли, ибо все спускались къ низу. Гоповы будучи воропашья, увидѣли пламень, подобной молніи; они думали, что эшо была дѣйсвительна молнія, и полагали, что блескъ ея былъ видѣнъ свержу, въ разсѣлину какой нибудь скалы. Всему тому легко вѣрять, чего неперпѣливо хочешся: они считали, что были уже близко къ выходу, и увидя новой свѣтъ пошли немедленно къ тому мѣсту, гдѣ онъ мелькалъ.

Ежеминутное освѣщеніе под-
I. В

крѣпляло ихъ надежду; они успѣли уже разсмотрѣть окружающую пещеру, въ которой скитались; но идучи далѣе чувствовали, что ноги ихъ разгорячились, погружаясь въ теплые пары, которые сообщаясь всему шѣлу, покрывали ихъ потомъ. Сирѣ Карлъ ощупываетъ землю, и находитъ, что она была холодна; но нагибаясь, вдыхаетъ въ себя смрадное испареніе, отъ котораго едва было не задохся. Продолжая итти, приходятъ они къ повороту, ими замѣченному, и находясь вдругъ среди пламени, которой безпрерывно около нихъ блеститъ и угасаетъ. Они узнали, что ошиблись: пламень сей происходилъ единственно отъ воспаленія паровъ. Сирѣ Карлъ хотѣлъ зажечь

имѣ свой факелъ, но никакъ не могъ въ томъ успѣшь, ибо онъ угасалъ весьма скоро. Долго не могли они рѣшиться итти въ передъ; но наконецъ, положась на волю Провидѣнія, пошли и при новомъ поворотѣ увидѣли свѣтъ. Такъ какъ уже развѣ ошиблись они въ своей надеждѣ, то не смѣли вѣрять своему щасію. Однако темноша исчезаетъ и даетъ мѣсто блестящимъ лучамъ солнца. Они обнимаются въ восторгѣ; идутъ съ поспѣшностію, и выходятъ изъ эшаго жилища ужаса.

Сиръ Карлъ и Гюпнеръ бѣгутъ съ сипремленіемъ, считая уже себя въ опасности; но какое ужасное и великолѣпное зрѣлище имъ представляется! Они находятся внутри попухшей огнедышущей горы. Одна

часть ея обрушилась, другая, гордо возвышаясь, была изрыта губительнымъ пламенемъ; у ногъ ихъ кипѣла черная смола; впереди была скала, извергающая сѣрной дымъ, изъ подъ которой выходилъ источникъ горячей воды: повсюду видѣнъ былъ ужасъ и разрушеніе. Природа казалась мертвою въ этой безднѣ; она была какъ будто погребена подъ собственными своими развалинами. Тщешно солнце освѣщало сію могилу; живопворные лучи его не производили въ ней никакого дѣйствія.

Такимъ образомъ избѣжавъ одной опасности, Сиръ Карлъ и Гюшнеръ нашли другую: они не видящъ средства вытши изъ этой пропасти; должно было лезть по горѣлымъ оспаш-

камб горы, копорые подб ни-
ми разсыпались, и упадая вб
кучи пепла, производили гус-
тую пыль. Однако же они на
се опважились, шакб какб на
одинб способб ихб избавленія.
Согрбваемы солнцемб и изнурен-
ные усталостію, вскорб были
они принуждены остановишь-
ся: силы ихб ищощаються, и
они приходятб уже вб изне-
множеніе; но вдругб Гюшнерб
вспомнилб, что у него была вб
карманб склянка рому, копо-
рую обыкновенно имблб онб
при себб вб путешествіяхб.
Они выпиваютб изб нее нбс-
сколько, и чувствуя вб себб
новую бодрость, продолжаютб
шрудной пущь свой. Опдыхав-
ши нбсколько разб, и едва уже
будучи вб состояніи стоять
на ногахб, достигаютб они

вершины горы въ то время, какъ солнце погружалось уже въ волны. Взглянувъ на пропасть, изъ которой вышли, первое движеніе ихъ было восклицаніе благодарности къ милосердому Творцу.

Какъ описать радость Сиръ Карла и Гюшнера? Съ какимъ удовольствіемъ говорили они другъ другу: *мы увидимъ опять Женни!* Заходящее солнце освѣщало еще островъ, и они перешли на другую гору, дабы увидѣть, гдѣ стоялъ ихъ корабль; однако не видали ничего, кромѣ лѣсу изъ кокосовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Сіе открытіе доставило имъ новую пріятность, ибо надѣялись подкрѣпить себя сочными плодами. Они взглянули еще разъ на бездну, изъ

которой вышли, и измѣряя глазами ужасную глубину ея, удалились съ шрепешомъ. Вскорѣ дошли до лѣсу, и шамъ, утоливъ голодъ свой и жажду, заснули сладкимъ сномъ.

Между тѣмъ, какъ Гюшнеръ и Сиръ Карлъ вкушали отдохновеніе, отсутствіе ихъ причиняло на корабль смятеніе и безпорядокъ. Сказано выше, что когда они сошли въ нижнюю пещеру, то оставили мажросовъ и пассажировъ въ верхней; сіи послѣдніе, наскучивъ долго дожидаться, вышли на поверхность острова, и погулявъ нѣсколько, возвратились на корабль.

Мажросы, повинувшись приказанію Гюшнера, оспались одни его дожидаться. Они слышали голосъ его, когда онъ

кричалъ имъ съ низу и отвѣчали, не различивъ его словъ. Громкой крикъ его, повторяемой эхомъ, и глубокое молчаніе, которое за нимъ послѣдовало, увѣрили мажросовъ, что Капитанъ и Сиръ Карлъ упали въ какую нибудь пропасть. Приведенные въ ужасъ сею мыслию, ни одинъ изъ нихъ не отважился спуститься, опасаясь погибнуть, не сдѣлавъ имъ никакой помощи; они довольствовались шѣмъ, что слушали нѣсколько времени со вниманіемъ; но не слыхавъ ничего, полагали, что Капитанъ и другъ его погибли; и дожидаясь ихъ около трехъ часовъ, возвратились на корабль.

Починки были кончаны, въспрѣдулъ благопріятной, и Шпурманъ ожидалъ только возвра-

щенія Капитана, дабы сняться съ якоря. Извѣсшіе объ его смерти, привезенное мапросами, привело весь экипажъ въ уныніе. Вскорѣ несправедливая эта новостъ достигла до Женни; горестъ почли лишаетъ ее чувствъ, и она едва могла дойти до своей каюшы.

Между тѣмъ, какъ Женни, погруженная въ опчяніе, лежала въ безпамятствѣ, экипажъ вручилъ команду Лейтенанту; всѣ были довольны этимъ выборомъ; но какъ новый Капитанъ велѣлъ готовиться къ снятію съ якоря: то одинъ пассажиръ, копорой, казалось, болѣе всѣхъ бралъ участія въ Сирѣ Карлѣ и Гюшнерѣ, противился нѣсколько сему приказанію. Онъ говорилъ, что несправедливо оставитъ островъ,

не узнавъ прежде точно о смерти ихъ. Гордясь новымъ своимъ достоинствомъ, Капитанъ отвчалъ грубо пассажиру. Отвтъ сей, открывающій гордость его и безчеловчье, поселилъ неудовольствие въ нѣкошорыхъ мапросахъ, и такъ какъ онъ надмѣнно приказывалъ сниматься, то нѣсколько изъ нихъ не хотѣли повиноваться, и присоединились къ пассажиру, которой предлагалъ ѣхать на островъ искать Гюшнера и Сиръ Карла. Новый Капитанъ поступилъ весьма грубо съ нѣкошорыми; но тогда всѣ пассажиры присоединясь къ нимъ, сказали утвердительно, что не допустятъ сняться съ якоря прежде, какъ точно не узнаютъ, что Гюшнеръ и Сиръ Карлъ были жертвою ихъ

любопытства. Видя, что нѣ-
 сколько матросовъ просили поз-
 воленія ѣхать на островъ, без-
 разсудной Капитанъ велѣлъ
 сажать въ тюрьму всѣхъ тѣхъ,
 кои будутъ прошивишься его
 приказаніямъ; дѣло дошло до
 драки и партія новаго Капи-
 тана должна была уступить
 партіи Гюпнера. Побѣжденные
 матросы были посажены въ
 тюрьму, а Капитанъ запертъ
 въ своей каютѣ; побѣдители
 завладѣли оружіемъ, и такъ
 какъ наступила уже ночь, то
 они опредѣлили, что на дру-
 гой день нѣкоторые изъ нихъ
 побудутъ опыскивать Сиръ
 Карла и Гюпнера, между тѣмъ,
 какъ остальные будутъ на ко-
 раблѣ для сохраненія порядка.

Какъ скоро тишина восстано-
 вилась, то пассажиръ, которой

принялъ сторону Капишана и друга его, вспомнилъ, что Женни не выходила на верхъ. Опасаясь, чтобы ей не приключилось какого несчастія, онъ пошелъ къ ней. Подошедъ къ каютѣ просилъ позволенія войти; но такъ какъ она не отвѣчала, то онъ отворилъ дверь, и увидѣлъ ее лежащую на постелѣ; счишая что она спитъ, тихонько удалился, дабы не нарушить ея спокойствія.

Какъ скоро разсвѣло, то мапросы и пассажиры, которые были съ Сиръ Карломъ и Гюннеромъ, сбѣхали на островъ, предпріявъ твердое намѣреніе не ославлять его прежде, какъ шочно будутъ увѣрены въ смерти двухъ друзей. Они подходили уже къ пещерѣ, какъ увидѣли ихъ выходящихъ изъ

лѣсу. Радость была обѣихъ сторонѣ чрезмѣрна: они бросающа другъ къ другу, и безпорядокъ ихъ выражений означашъ взаимное восхищеніе. Гюшнера увѣдомляющъ о томъ, что произошло на кораблѣ, и Сиръ Карлъ узнаешъ въ защитникъ своемъ того самаго пассажира, котораго лице привлекало уже нѣсколько разъ его вниманіе; онъ извѣсняетъ ему свою признательность, между тѣмъ, какъ эшотъ удвоивъ шаги свои, спарался какъ будто укрыться отъ его благодарныхъ восклицаній.

Возвращеніе двухъ друзей на корабль произвело общее удовольствіе; Гюшнеръ, собравъ весь экипажъ, рассказываетъ свои приключенія; Лейтенантъ спарался оправдаться, и снис-

ходительный Капишанъ, принимая его извиненія, обнимаетъ его и прощаетъ арестованныхъ мажросовъ.

Какъ описать удовольствіе Женни, когда она, опомнившись, увидѣла себя въ объятіяхъ Сиръ Карла! Она считала, что это былъ сонъ, и только чрезъ нѣкоторое время увѣрилась въ этой пріятной истинѣ. Сиръ Карлъ разсказалъ ей бѣдственное свое странствіе съ Гюпнеромъ; она содрогалась, слыша опасности, которымъ они были подвержены, и прекрасные глаза ея, наполненные слезами, обращались съ умиленіемъ на Гюпнера; когда братъ сказалъ ей, что вспомнивъ объ ней, горестно они вздохнули, Женни вздохнула въ свою очередь и пожала руку Сиръ Карла. Наконецъ

Капитанъ заключилъ повѣсть, прибавя, что заснувъ сладкимъ сномъ въ лѣсу, они были пробуждены пѣніемъ пшницъ, которыя привѣнествовали восходящее солнце; потомъ, сбѣвши нѣсколько фруктовъ, пошли вдоль горы, надѣясь, что такимъ образомъ опыщутъ входъ въ пещеру, и опшуда удобнѣе узнаютъ дорогу къ кораблю; что наконецъ подходя уже къ пещерѣ вспрѣшились съ мап-росами.

Гюшнеръ хотѣлъ прежде, нежели оставитъ островъ, извѣстить тѣхъ, которые послѣ него на немъ будутъ, о бѣдствіяхъ, имъ претерпѣнныхъ; по чему велѣлъ онъ вырѣзать на камнѣ, при входѣ въ пещеру, описаніе опасностей, которыя она въ себѣ заключала. Между

тѣмъ всѣ осматривали про-
пасъ , чрезъ которую вышли
Сиръ Карлъ и Гюннеръ. Сама
Женни хотѣла непременно ви-
дѣть эту ужасную бездну.
Когда желающіе удовлетвори-
ли своему любопытству , то
Капитанъ , запасшись фрукта-
ми , которыхъ было въ лѣсу
множество , велѣлъ сниматься
съ якоря , и вскорѣ корабль по-
плылъ при благопріятномъ вѣт-
рѣ. Тогда Гюннеръ просилъ
своего друга окончить свою по-
вѣсть и Сиръ Карлъ согласил-
ся на это съ удовольствіемъ.

Г Л А В А III.

По отбѣздѣ отца моего въ
Ямайку , говорилъ онъ , Сиръ
Андерсонъ , дядя мой , рачитель-
но пекся о нашемъ воспита-

ніи; но слѣдуя обычаю, отпра-
вилъ меня въ Каншорбери, гдѣ
учился я у ученыхъ Профессо-
ровъ, обучавшихъ меня выра-
жашь мои идеи, прежде, неже-
ли я ихъ имѣлъ. Такимъ-то об-
разомъ прапилъ я драгоценное
время, которое бы могъ упопре-
бить гораздо лучше. Профессо-
ры хвалили мои успѣхи, между
тѣмъ, какъ я, набивъ голову пу-
стыми словами, былъ совершен-
ный невѣжда. Но такова учась
дѣшей въ большой части учи-
лицъ: забываютъ, что они
должны бытъ людьми и дѣла-
ютъ ихъ только учеными по-
пугаями.

„Въ продолженіе эшаго вре-
мени я подружился съ однимъ
ученикомъ; онъ былъ Шопла-
нецъ и назывался Шмишъ; и
хотя не заслуживалъ моей при-

вязанности, но имѣлъ искусств-
во льстивъ. Не зная, сколь опа-
сна лесть, гордоешь моя до-
вольна была тѣмъ, что онъ
ставилъ мнѣ въ добродѣшель-
ствѣ пороки, въ коихъ упрекали
меня мои Профессоры; и эти
безпечные наставники равноду-
шно смотрѣли на нашу связь, ко-
торую бы благоразумная пред-
усмотрительность должна была
немедленно прервать. Деньги,
присылаемые мнѣ дядею для
мѣлкихъ моихъ удовольствій,
служили забавою Шмишу; онъ
часто также у меня ихъ зани-
малъ, никогда не отдавая; я не
примѣчалъ, что онъ меня ду-
рачилъ.

„Наконецъ я окончилъ свои
науки и возвратился къ мое-
му дядѣ; шутъ нашелъ я сест-
ру свою, которая къ красотѣ

и рѣдкимъ талантамъ присоединяла знаніе обращаться въ свѣтъ. Хоша я былъ гораздо ее спарѣе, но уступалъ ей во многомъ: ибо я жилъ до сихъ поръ только между учениками и наставниками, изъ коихъ послѣдніе по большой части опвращающіе отъ себя дѣшеіе суровымъ своимъ обращеніемъ. Что касается до сестры моей, то будучи воспитана посреди любезныхъ своихъ родственниковъ, она узнала обязанности и должности общесіва. Дядя моей, спараясь вознаградишь время, попереянное мною въ училищѣ, спѣшилъ ввести меня въ важную школу съѣша, и обучивъ узнавашъ людей, показашъ мнѣ всѣ его опасности.

„Сирѣ Андерсонѣ самъ во-

дилъ меня во всѣ публичныя мѣста и не принимая на себя видъ строгой мудрости, открывалъ мнѣ пропасшь, находящуюся подъ разсѣянными цвѣтами. Я скажу вамъ анекдотъ, по которому вы можете заключить объ искусствѣ его просвѣщать меня.

„Будучи однажды въ Рене-лахѣ, вспрѣпились мы съ женщиною, копорая красошой своей привлекла мое вниманіе. Обращаясь съ дядею, какъ съ другомъ равныхъ мнѣ лѣтъ, я открылся ему, что женщина эта сдѣлала на мое сердце сильное впечатлѣніе. Сирѣ Андерсонъ припворно раздѣлялъ мое восхищеніе; но онъ казался еще болѣе пронупымъ красошою молодой дѣвушки, находившейся съ тою, копорая меня плѣ-

нила Мы пошли за прекрасными незнакомками, и онѣ примеша наше вниманіе, прошли въ садѣ, куда и мы за ними послѣдовали. Преходя шемную алею, старшая изѣ красавицѣ оснупилась; я бросился къ ней и имѣлъ щастіе ее поддержать; дядя мой просилъ у нея позволенія проводить ихъ домой, на что она охотно согласилась. Мы сѣли въ карешу, и пріѣхавъ въ переулокъ къ небольшому домику, постучались; намъ отворили дверь, и мы вошли въ большіе сѣни, освѣщенные фонаремъ; по лѣстницѣ вошли мы въ комнашу, порядочно прибранную. Тупѣ прищворная въжливосиль исчезла—Дядя мой вынулъ изѣ кармана нѣсколько гиней, и отдавая ихъ младшей изѣ красавицѣ, требовалъ поскорѣ ужина.

„Я не могъ надивиться поступку моего дяди и не понималъ, какъ онъ смѣлъ такъ обходиться съ незнакомыми женщинами. Раждающаяся во мнѣ любовь возбуждала почтеніе къ ея предмету; но оно вскорѣ было уничтожено вольными поступками Каролины: мысль наслажденія заснула въ моемъ сердце нѣжное чувство, которое она мнѣ внушила, и ужинѣ былъ часто перерываемъ самыми неблагоприспѣшными шутками. Сдѣлавшись безстыдною, Каролина теряла лучшую свою прелесть; однако, не взирая на то, красота ея меня восхищала. Чувства мои были въ сладкомъ упоеніи и я мечталъ, что верховное щастіе состояло въ обладаніи ею. Дядя мой, угадавъ мои мысли,

спѣшилъ проспиться съ Каролиною, сказывая, что сего дня не возможно намъ долге оспаться, но что завтра мы опять будемъ къ ней ужинать.

„Скорой нашъ опѣздъ огорчилъ меня, и я признался въ томъ Сирѣ Андерсону. „Благодаруміе, говорилъ онъ, запрещаешъ намъ ночевать у эшѣхъ женщинъ; въ ихъ домахъ часто бывають опасныя ссоры, а мы безъ орудій; завтра возьмемъ мы нужныя предосторожности и тогда возвратимся безъ опасности.“ Опѣздъ дяди моего навелъ мнѣ безпокойство и я погрузился въ задумчивость; но онъ вскорѣ развлекъ меня, описывая удовольствія, которыя мы имѣли за ужиномъ. Я признался ему, что для меня онъ не весь-

ма былъ пріятель, и что не
взирая на спрасъ мою къ
Каролинѣ, я часто гнушался
вольными ея разговорами. Дядя
мой говорилъ, что это былъ
обыкновенный языкъ женщинъ
эшаго роду; но что не менѣе
того онѣ были любезны. Уда-
лясь въ свою комнату, я ду-
малъ только о Каролинѣ; об-
разъ ея былъ безпрестанно въ
моихъ глазахъ и я заснулъ съ
мыслію объ ней.

„Поутру Сиръ Андерсонъ
вошелъ въ мою комнату и ска-
залъ: „какъ это, Карлъ, ты
еще въ постелѣ; не уже ли ты
забылъ Каролину?“ О нѣтъ,
дядюшка! отвѣчалъ я: но вѣдь
вечеромъ. . . . „Вечеромъ! пов-
торилъ онъ: вечера долго до-
жидаться; подруга Каролины,
милая Машинька, взвернула

мнѣ голову, и я иду къ нимъ завпракашь Естѣли пы хочешъ бышь моимъ поварищемъ, по одѣвайся; ибо мнѣ чрезмѣрно хочется бышь у нихъ скорѣе. Я пошчасъ одѣлся и мы пошли.

„Дорогою дядя мой безпреспанно жвалилъ прелести Каролины. „Естѣли бы не милая Машинька, говорилъ онъ, по я былъ бы швоимъ соперникомъ. Каролина прекрасна; я онъ роду не видывалъ шакого здороваго цвѣту; она свѣжа, какъ роза; глаза ея блестятъ любовнымъ пламенемъ; губы ея прекрасны!“ Воспаленный разговорами моего дяди, я шелъ съ неперпѣниемъ.

„Мы вошли неожиданно: Каролина спала и приходъ нашъ ее разбудилъ. Она раздернула

занавѣсъ и косынка свалилась съ ея головы; но я не видалъ этихъ прекрасныхъ локоновъ, копорые плѣняли меня накануне; впадшіе глаза ея потеряли свою живость; блѣдный цвѣтъ совершенно ее безобразилъ; и улыбаясь, щещно она спаралась скрыть оспалки гнилыхъ зубъ; цѣломудріе не заспавляло краснѣть Каролину; но досада, что ея заспали въ такомъ безпорядкѣ, кинула ее въ краску.

„Ахъ! сказала мнѣ Каролина: ты причиною, что я не спала всю ночь; я чрезмѣрно успала, и думаю, что даже глядѣшь на меня спашно; вопшъ что ты надѣлалъ!“ Пораженный удивленіемъ, я молчалъ; но дядя мой, видя мое замѣшательство, отвѣчалъ ей: „мы

хотѣли съ побою завпракать, но тебѣ нуженъ еще покой; отдохни нѣскольکو—вечеромъ мы возвратимся“ — Сказавъ эпо онъ вышелъ, и я пошелъ за нимъ, не говоря ни слова.

„Мы отошли уже далеко отъ жилища Каролины, но я все еще молчалъ. „Однако мнѣ очень досадно, сказалъ наконецъ мой дядя, что я не видалъ милой Маши.“ *Ахъ! что касается до меня, говорилъ я со вздохомъ, то я лучше бы хотѣлъ не видать Каролины!* „Для чего же?“ *Вчера она была прекрасна; но какая разница сего дня!* — „Эпо наша вина.“ — *Маша вина?* „Конечно, милой Карлъ, мы виноваты тѣмъ, что застали ее нечаянно; она не имѣла еще времени скрыть плачевныя слѣды распушсшва; но успокойся, я

увѣряю тебя, что сего дня же вечеромъ она будетъ прекраснѣе, нежели когда нибудь.“ — *Прекраснѣе, нежели когда нибудь?* „Безъ сомнѣнія; досадуя на то, что мы видѣли ее не одѣтую, она истощитъ все кокетство, дабы искусствѣ прикрыть свои недоспапки.

„Продолжая разговоръ нашъ такимъ образомъ, пришли мы къ ленточной фабрикѣ; дядя мой, не упуская ни одного случая по возвращеніи моемъ изъ училища доставить мнѣ свѣденія о художествахъ, предложилъ итти на фабрику, на что я охотно согласился.

„Тамъ нашли мы множество работающихъ Французовъ, которые для своихъ выгодъ оставили Лионъ и поселились у насъ. Сии трудолюбивые ху-

дожники работали весьма усердно и искусством своим умножали богатство Англии. Тут мы видели также обширные магазины с шелком, купленным во Франции, из которого у нас делают ленты и после так дорого продают внутренним жителям Парижа. Шестидесять стенов, стоящих в одной комнате, представляли картину промышленности и деятельности. Дядя мой спрашивал объяснения на счет работы, и мы оставили фабрику не прежде, как узнали все ее подробности.

„Сиръ Андерсонъ сказалъ дома, чтобы насъ не дожидались, и по тому мы продолжали осматривать разные любопытныя и полезныя заведенія.

„После обѣда пошли мы

вдоль Темзы; дядя мой, не говоря съ упра о Каролинѣ ни слова, напоминалъ мнѣ ея прелести, и между шѣмъ, какъ онѣ ее выхвалялъ, дошли мы до обширнаго зданія: эшо былъ гошпицаль, гдѣ Эскулаповы ученики старались возвращать здоровье несчастнымъ жертвамъ Венеры. Я не могу вспомнить безъ прѣпеша зрѣлища, копорое мнѣ шамъ представилось: мнѣ казалось, что я вспустилъ въ Плутоново царство. Въ длинныхъ залахъ видѣлъ я скипающія шѣни; въ угасающихъ взорахъ ихъ видна была мрачная горестъ; казалось, что лице ихъ было покрыто желтымъ, сухимъ пергаменпомъ, приклееннымъ къ костямъ; корпусъ ихъ имѣлъ подобіе скелета; но, не взирая на эшо, сла-

быя ноги едва могли его поддерживать.

„Въ другихъ комнатахъ представлялось мнѣ, что будто сіи несчастныя терпѣли уже адскія мученія: иной, сгарающій отъ жару, шевелся подобно Танталу; другой спардалъ ужаснымъ образомъ отъ чрезмѣрной внутренней боли; во многихъ мѣстахъ слышенъ былъ вопль шѣхъ, которыхъ пожиралъ Апполоновъ огонь, между шѣмъ, какъ искусной Операторъ, опнивая зараженную часть шѣла, спарался спасти остальныхъ.

„Это было жилище ужаса и спраданія, и я вышелъ изъ него, думая о жестокихъ слѣдствіяхъ непопозвопительныхъ удовольствій, коихъ прелести вели къ мучительной смерти.

„Погруженный въ глубокое молчаніе, я шелъ за Сирѣ Андерсономъ, какъ онъ вдругъ взглянувъ на часы, вскричалъ: „уже восемь часовъ! Каролина насъ дожидается; поспѣшимъ, милой Карлъ!“ — *Мѣтѣ, дядюшка, отвѣчалъ я: я къ ней болѣе не пойду.* — „Не пойдешь?“ *Никогда.* — „Опъ чего взялась эта спранныя мысль?“ — *Вы спрашиваете это у меня послѣ того, что мы видѣли?* — „Признаюсь, что должно осперегаться опаснаго случая; но Каролина шакъ прекрасна!“ — *Ветеромъ. . . но не по утру! . . . Впрочемъ, какія бы прелести она ни имѣла, я уже никогда ими не плѣняюсь: я вижу еще теперь этѣ тѣни, этѣ томныя привидѣнія, этѣхъ несчастныхъ жертвъ сладострастія; вижу и всегда буду видѣть; и*

это ужасное зрѣлище исцѣляетъ меня на всю жизнь отъ страсти къ такимъ женщинамъ, какова Каролина. — „Ты успрашаешь меня Карлъ, и я отпказываюсь отъ милой Машиньки? — О, дядюшка, пожалуйста забудьте о ней! — „Я пользуюсь твоимъ совѣтомъ, твоимъ примѣромъ, говорилъ онъ: я обѣщаюсь всегда удаляться отъ эѣхъ мѣстъ, гдѣ предъ олпаремъ распущсва, украшеннымъ обманчивыми прелестями любви и сладоспраспїя, жертвуютъ имѣнїемъ, здоровьемъ и даже жизнїю.

„Будучи молодъ, не понималъ я хипроспїи, употребляемой моимъ дядею для предохраненїя меня отъ опасностей, копорымъ молодость подвержена; но день эѣшъ былъ глу-

боко впечатлѣннѣ въ моей памяти, и я никогда его не забуду. Такимъ-то образомъ просвѣщаль меня Сиръ Андерсонъ; онъ не походилъ на сшрогаго наставника, котораго сухія нравоученія заспавли бы меня чувствовати къ нему опшраценіе; напрошивъ того, онъ былъ мой другъ, спарающійся участвовати въ моихъ удовольствіяхъ и доставляющій мнѣ ежедневно новыя. Но показывая мнѣ всѣ наслажденія, искусно меня отъ нихъ опшращаль, когда онъ бывали опасны. Часто опказывался я отъ увеселеній, имъ мнѣ предлагаемыхъ; я думалъ единственнo слѣдовати моему вкусу, не примѣчая того, что поступалъ всегда по его волѣ. Онъ казался мнѣ молодымъ чело-

вѣкомъ равныхъ мнѣ лѣтъ и имѣющій однѣ сомною склонности; однако всѣ мои желанія и поступки были имѣ внушены: я безпрестанно повиновался, считая, что пользуюсь полною свободою.

О какъ бы много наставники молодыхъ людей имѣли надъ ними власти, естли бы умѣли скрывать ее! Человѣкъ родится съ чувствомъ своей независимости, и важное искусство воспитать его, состоитъ не въ томъ, чтобы безпрерывно умерщвлять это чувство, которое должно нѣкогда быть основаніемъ его добродѣтели.

Уже болѣе шести мѣсяцовъ жилъ я у дяди моего спокойнѣ и щасливѣ, какъ гуляя однажды въ Паркъ *Сентъ - Жамесъ*.

встрѣтился съ Шмипомъ: мы возобновили наше старое знакомство; дядя мой пригласилъ Шмипа къ себѣ, на что онъ охотно согласился, и наша связь сдѣлалась вскорѣ весьма тѣсною.

„Побывавъ нѣсколько разъ у насъ, Шмипъ предложилъ познакомить меня съ своею тещкою; я принялъ это предложение, и онъ привелъ меня въ небогатой, но порядочно прибранной домъ; я нашелъ тамъ женщину лѣтъ пятидесяти и дѣвушку лѣтъ шестнадцати, изъ которыхъ первую называлъ онъ тещкою, а вторую сестрою.

„Шмипова тещка приняла меня очень учтиво; но иногда несвязныя выраженія показывали недостатковъ ея воспита-

нія; дочь ея присоединяла къ прелестямъ тѣлеснымъ пріятный умъ, украшаемый скромностію. Знакомство это мнѣ очень понравилось; я часто посѣщалъ ихъ, и мнѣ казалось, что онѣ живутъ весьма уединенно; ибо я никогда не видалъ у нихъ никого.

„Однажды пришелъ ко мнѣ Шмишъ и сказалъ: „завтра именины моей тетки; у нее будетъ много гостей, и мнѣ поручено тебя звать.“

„На другой день пришедъ къ ней, нашелъ я многочисленное общество. Шмишова тетка оказывала мнѣ особенное вниманіе; столъ былъ очень хорошъ, и лучшія вина текли съ изобиліемъ. Наконецъ умы разгорячились и вскорѣ слышны были двозначущія пѣсни; но

имянинной праздникъ извинялъ эту вольность.

„Послѣ обѣда сѣли на нѣсколько столовъ за карты; не взирая на природное мое отвращеніе къ этому роду увеселенія, я согласился играть въ половинѣ съ Шмиповой шепкой. Она сказала мнѣ, что цѣна на игрѣ была весьма небольшая, и дѣйствительно она кончилась только пошерею нѣсколькихъ кронъ.

„Когда я кончилъ партію, то одинъ молодой человекъ, появившій подлѣ меня, предложилъ мнѣ играть *въ кресѣ*. Не желая оскорбить его отказомъ, я согласился. Между тѣмъ, какъ я выигрывалъ около ста гиней, Шмитъ поощрялъ собраніе пуншемъ, причемъ и я не былъ забытъ.

, Вскорѣ фортуна перемѣнилась, и выигрышъ мой исчезъ съ поперкою шестидесяти гиней, которыя были у меня въ карманѣ. Желая вознаграждать свою пошерю, я безпреспанно удвоивалъ ставку, и наконецъ задолжалъ пять тысячъ гиней. Пришедъ въ отчаяніе отъ сего чрезмѣрнаго долга, я просилъ перемѣнить игру, на что учпиво согласились. Мы начали играть *въ потъ*, и я продолжалъ проигрывать; тогда я началъ шеряться: чувства мои были въ смятеніи и кровь во мнѣ кипѣла; когда я бралъ каршы, то мрачное облако помрачало мое зрѣніе, и я едва не лишился силъ; каждой разъ надѣялся ошыграть хотя нѣсколько, и каждой разъ выигрывалъ мой соперникъ.

„Проигравъ семь тысячъ гиней, я старался скрыть овладѣвшее мною бѣшенство; я былъ въ спрашномъ волненіи и всѣ мои мускулы были въ конвульсіяхъ; наконецъ совершенно поперявшись, предложилъ я сыграть на квидъ; соперникъ мой согласился и началъ здавать каршы. Желая, чтобы Шмиръ былъ свидѣтелемъ этого рѣшительнаго случая, я оглянулся назадъ съ тѣмъ, чтобы его кликнуть, и увидѣлъ, что сей бездѣльникъ стоялъ за мною, имѣя въ рукахъ колоду каршъ, и ими показывалъ моему пропивнику тѣ, которыя мнѣ доставались. Въ бѣшенствѣ бросился я на него; но онъ ушелъ въ кабинетъ, въ которой дверь была опворена, и крѣпко заперся. Раздраженъ

будучи наглою его робостію, хотѣлъ я опмстивъ мошеннику, которой меня обыгралъ; но вся шайка на меня бросилась и усилія мои были тщетны. Они требовали, чтобы я подписалъ вексель въ двенадцать тысячъ гиней; не соглашаясь этого сдѣлать, я принужденъ былъ на то силою, послѣ чего они вывели меня изъ дому.

„Огорченный еще болѣе послѣднимъ этимъ поступкомъ, долго не зналъ я, что дѣлать. Тысяча ужасныхъ предприятий представлялись разспроенному моему уму; ужасное опчаяніе меня терзало. Послѣ сего случая мнѣ нечего уже было опасаться, и я могъ на все отважиться; иногда хотѣлъ я достать орудія, и войдя въ этакое гнусной домъ, умерш-

вишь вѣроломныхъ его хозяевъ, пошомъ хотѣлъ умертвить самаго себя; однако наконецъ чувства мои успокоились, и я рѣшился на то, что внушило мнѣ благоразуміе.

„Я поспѣшно пошелъ къ моему дяди и во всемъ ему признался; видя мое раскаяніе Сиръ Андерсонъ не умножалъ моей горести строгими выговорами; напрошивъ утѣшая меня, старался найти средство поправить мою ошибку.

„Онъ побѣжалъ къ Лорду-Меру и рассказалъ ему объ учиненномъ бездѣльническомъ поступкѣ. Лордъ-Меръ обѣщался отмститьъ эпимъ мошенникамъ, и дѣйствительно повелѣнія его были такъ хорошо исполнены, что нѣкоторыя изъ нихъ были взяты въ ту же ночь, и от-

ведены въ Невгапъ, гдѣ не долго дожидались справедливаго воздаянія за ихъ злодѣйство. На другой день дядя мой былъ позванъ къ Лорду-Меру, коимъ возвращилъ ему мой вексель, найденный въ записной книжкѣ мнимой Шмиповой шепки, имѣвшей приспанище самымъ негоднымъ людямъ.

„Возвращаясь, Сиръ Андерсонъ опдалъ мнѣ эпошъ несчастный вексель, сдѣлавъ при томъ самымъ кроткимъ образомъ нѣсколько насшавленій, копорыя имѣютъ такъ много вліянія на благородную и чувствительную душу. Признаваясь въ своей винѣ, я не старался оправдаться, и обѣщался моему дядѣ никогда уже не играть. Ужасной эпошъ урокъ дѣйствительно избавилъ меня

навсегда отъ пагубной стра-
спи.

„Спустия мѣсяцъ послѣ се-
го приключенія, Ъхаль я верь-
хомъ въ деревню къ одному
пріятелю моего дяди; я вспрѣ-
тилъ Шмипа, гуляющаго съ
плушомъ, съ которымъ я иг-
ралъ. Какъ скоро они меня
увидѣли, то хотѣли скрыть-
ся; но я догнавъ ихъ, сошелъ
съ лошади и сказалъ Шмипу :

„Ты бездѣльникъ! ешьли
бы я повиновался только не-
годованію и презрѣнію, конче-
рыя во мнѣ производятъ видѣ
швой : то я потчасъ бы за-
кричалъ, чшобы тебя взяли
подъ караулъ; но я долженъ
опмслить тебѣ за привязан-
ность, которую къ тебѣ имѣлъ;
одна швая кровь можетъ омыть
швою измѣну!“ Шмипъ, буду-

чи такой же прусъ, какъ и не-
годяй, старался оправдаться ;
онъ называлъ себя безвиннымъ
и говорилъ, что не хочетъ про-
ливать крови своего друга.

„Сшупай, говорилъ я ему :
оправданія бесполезны ; естли
ты не согласишься драшься ,
то я сей часъ положу тебя на
мѣстѣ. Видя меня въ чрезмѣр-
номъ гнѣвѣ, онъ согласился за
мною слѣдовать.

„Мы пришли къ уединен-
ному мѣсту; я привязалъ свою
лошадь къ дереву, вынулъ па-
ру пистолетъ, находившихся
въ моемъ седлѣ, и далъ одинъ
изъ нихъ Шмишу; потомъ отой-
дя нѣсколько шаговъ другъ отъ
друга мы выспрѣблили; его пу-
ля проспрѣблила мнѣ шляпу, а
моя попала ему въ плечо, и
онъ упалъ; я бросился помо-

гасть ему, и уже нагнулся, какъ движеніе его поварища понудило меня оглянувшись; самымъ эшимъ избѣжалъ я удара кинжаломъ, копорой готовъ былъ получишь опъ сего изверга; въ крайнемъ негодованіи вырвалъ я у него кинжалъ, и поранилъ его въ горло: онъ упалъ подлѣ Шмиша. Я немедленно взялъ свои пистолеты, сѣлъ на лошадь и поскакалъ.

„Сначала я хотѣлъ было продолжать дорогу въ деревню; но послѣ разсудивъ, что гораздо будешь благоразумнѣе уведомишь о помѣ моего дядю, возвратился въ Лондонъ.

„Сиръ Андерсонъ удивился скорому моему возвращенію, и когда узналъ шому причину, по осуждалъ за шо, что я подвергалъ жизнь свою опасно-

спи прошивъ бездѣльниковъ. Онъ боялся, чтобы ударъ, данной мною кинжаломъ въ ролонному поварищу Шмиша, не былъ почтенъ за смертоубійство; но я напомнилъ ему, что если эти мошенники не погибнутъ отъ ранъ, то обязаны болѣе всѣхъ молчать о семъ приключеніи; ибо иначе попадутся въ руки правосудія. Хотя замѣчаніе мое было справедливо, но оно не могло его успокоить; онъ опасался, что я всегда буду подверженъ мщенію этихъ двухъ злодѣевъ. Однако страхъ его былъ неоснователенъ; я думаю, что они скорѣ послѣ того померли, ибо съ тѣхъ поръ ничего объ нихъ не слыжалъ.

„Прошло уже двѣнадцать лѣтъ, какъ отецъ мой нахо-

дился въ Ямайкѣ; онѣ писалъ къ намъ при всѣхъ случаяхъ, и въ каждомъ письмѣ изъяслялъ свое сожалѣніе о нашей разлу-кѣ. Опасаясь помѣшати на-шему ученію, не звалъ насъ къ себѣ. Наконецъ прошло два го-да, и мы не получали никако-го извѣстія; всѣ наши письма оставались безъ отвѣта. Без-покоюсь симъ молчаніемъ, дядя мой дѣлалъ всѣ возможные ос-вѣдомленія, и узналъ только то, что Милордъ Камбель умеръ, но объ нашихъ родителяхъ не получалъ никакого свѣдѣнія.

„Огорченный сею неизвѣст-ностію, я просилъ у дяди мо-его позволенія ѣхать въ Ямай-ку. Онѣ охотно на это согла-сился и доставилъ мнѣ бумаги, служащія доказательствомъ мо-ему происхожденію, дабы въ

случаѣ нужды я могъ вступитъ въ наслѣдство имѣнія, оставленнаго Милордомъ Камбелемъ.

„Когда Женни узнала о близкомъ моемъ отъѣздѣ, то просила Сирѣ Андерсона, позволить ей со мною ѣхать. Тщательно уговаривали мы ее остаться; желая видѣть любезныхъ родителей презирала она опасности путешествія. Наконецъ дядя мой согласился на ея прозьбу, полагая, что если они еще живы, то довольны будутъ видѣть обоихъ дѣтей своихъ; и что если бы я отправился безъ нее, то можетъ быть она была бы послѣ принуждена ѣхать съ незнакомыми людьми.

„Когда Женни получила позволеніе, то неперѣбніе ея равнялось съ моимъ; мы жалова-

лись на продолжительность времени, пылая желаніемъ обнять скорбе нашихъ родителей; и не взирая на благодарность, которая привязывала насъ къ Сирѣ Андерсону и любезной его супругѣ, мы сожалѣли о томъ, что мѣшкали въ Лондонѣ. Наконецъ ожидаемая эша минуша насъ: дядя мой проводилъ насъ до гавани, гдѣ нашли мы корабль, отправляющійся въ Ямайку. Простясь съ Сирѣ Андерсономъ, мы отправились.

„Море не беспокоило Женни; казалось, что привязанность къ родителямъ давала ей силы прошившись всѣмъ безпокойствамъ. Въпрѣ благопріятствовало нашему неперпѣнію; плаваніе было благополучно, и мы вскорѣ пришли къ мѣсту;

но ахъ! какъ жестоко обманулись мы въ своей надеждѣ!

„Свѣхавъ на берегъ, спросили мы домъ Милорда Камбеля, и какъ скоро намъ его показали, то мы пошли туда съ поспѣшностію. Мы нашли шувъ только спараго управителя моего дѣда, которой сказалъ мнѣ, что такъ какъ Милордъ Келли не могъ возвратиться въ Англію прежде прибытія новаго Губернатора, то уѣхалъ съ своею супругою въ Гавану; и что имѣя къ нему полную довѣренность, оставилъ его въ прежнемъ званіи, почему онъ и привелъ въ порядокъ всѣ дѣла касательно до земель, ожидая ежедневно возвращенія моего отца, объ которомъ не имѣлъ уже два года никакого слуху.

„Это известіе привело насъ въ чрезмѣрное безпокойствѣ, и мы рѣшились ѣхать въ Гавану. Мы нашли судно, которое отправлялось во Флориду и должно было зайти къ мысу Св. Антонія. Пользуясь симъ случаемъ, оставили мы Ямайку, и общались управителю, увѣдомивъ его, какъ скоро получимъ какое нибудь свѣденіе.

„Въ продолженіе нашего плаванія была непрерывная буря; однако мы пришли благополучно къ мысу Св. Антонія; опшуда побѣхали берегомъ въ Гавану съ двумя арапами, которыхъ взяли въ Ямайкѣ.

„Прискорбіе наше умножилось по прибытіи въ Гавану; тамъ не знали также два года, что сдѣлалось съ моимъ опцомъ. Онъ вдругъ скрылся

вмѣстѣ съ моею матерью, не давъ никому знать о своемъ отбѣздѣ, и всѣ розыски на щепѣ ихъ были безуспѣшны.

„Мы пробыли въ Гаванѣ два мѣсяца и щещно объ нихъ освѣдомлялись; я обѣѣхалъ островъ Кубу, но не могъ также ничего узнать. Наконецъ, привѣдя дѣла ихъ въ порядокъ, мы возвратились въ Ямайку.

„Тамъ, съ помощію Губернатора, дѣлалъ я новыя розыски, но все было напрасно. Наконецъ, потерявъ надежду объ нихъ узнать, я ушвердилъ за собою ихъ имѣніе; поручилъ его старому управителю, и рѣшился возвратиться въ Англію къ моему дядѣ. Сестра моя, скучая въ землѣ, гдѣ все напоминало ей плачевную потерю, одобрила мое намѣреніе; мы

сѣли на вашъ корабль, огорченныя неизвѣспноспію на щепѣ любезныхъ нашихъ родителей.“

Вошъ, милой Гюшнеръ, причина моей грусти: тайна о пребываніи отца моего и матери мнѣ несносна. Все заспавляетъ меня подозрѣвашъ, что смерть Сиръ Карлъ не могъ говорить болѣе; рыданія прекрашили его слова. Распроганный Гюшнеръ смѣшалъ свои слезы со слезами своего друга и чувствительной Женни.

Г Л А В А IV.

Съ тѣхъ поръ, какъ путешественники наши оставили островъ, къ которому заспавила ихъ пристать буря, благопріятный вѣспръ надувалъ ихъ паруса и конецъ ихъ пла-

ванія приближался. Между тѣмъ Гюпнеръ потерялъ свою веселость; мрачная тоска, занявшая ея мѣсто, усиливалась ежедневно.

Сиръ Карлъ примѣтилъ тайную скорбь своего друга и не имѣлъ нужды спрашивать объ ея причинѣ: онъ вскорѣ ее узналъ. Когда Гюпнеръ находился подлѣ Женни, то смотрѣлъ на нее съ нѣжностію; глаза его наполнялись слезами, онъ вздыхалъ и поспѣшно удалялся. Сиръ Карлъ не сомнѣвался, чтобы красота сестры его не воспламенила Капитана. Не зная, что отвѣчать своему другу, если бы онъ открылъ ему свое сердце, убѣгалъ случая быть съ нимъ наединѣ. Онъ старался находиться всегда вмѣстѣ съ Женни, дабы Гюп-

первѣ не могъ ей открыться
въ своей спрасши.

Однажды Сирѣ Карлѣ и сес-
тра его чинали въ своей ка-
ютѣ, находившейся подлѣ Ка-
питанской, какъ вдругъ услы-
шали Гюшнеровъ голосъ: онъ
игралъ на гитарѣ и пѣлъ слѣ-
дующій романсъ.

Когда съ тобою разлучаюсь,
О Женни, милая моя!

Жестока грусть меня терзаетъ—
Несносна кажется мнѣ жизнь!

Но день проходишь, какъ мгновение,
Когда съ тобой бываю я.

Ахъ, можноль мнѣ быть равнодуш-
нымъ,

Взирая другъ мой на себя!

* * *

Любить тебя я вѣчно буду —

О Женни! я узналъ шеперь:

Стыдливость милая раждаетъ

Свяшую, чистую любовь.

Ея невинной, крошкой пламень,

Источникъ истинныхъ утѣхъ,

Самой природой воспаленной,
Не оскорбляетъ красоты.—

* * *

Когдабъ въ твоихъ прелестныхъ
взорахъ

Я могъ зрѣть щастіе свое—
Читай въ моихъ—и ты узнаешь,
Что все оно въ одной тебѣ!
Ахъ, для чего мнѣ отъ природы
Плѣняшь искусства не дано?
Любиму быть мнѣ не возможно!
Но, Женни, я могу любить!

Между тѣмъ, какъ Гюшнеръ
пѣлъ эпозъ романсъ съ нѣж-
нымъ выраженіемъ, Женни за-
была свою книгу, и устремивъ
глаза въ землю, казалось, пов-
торяла каждой куплетъ. Сиръ
Карлъ, примѣшивъ смяшеніе
сестры своей, не сомнѣвался о
привязанности ея къ Капитану.
Сіе замѣчаніе сдѣлало его
еще внимательнѣе: онъ хотѣлъ
бы исполнишь желаніе Женни
и составилъ щастіе своего

друга, но не зналъ воли своїхъ родныхъ и также произхожденія Гюшнера. Тогда онъ принялъ намѣреніе узнать о послѣднемъ, и такъ какъ плаваніе ихъ приходило къ окончанію: то онъ рѣшился ждашь до шѣхъ поръ, какъ свѣдушъ уже на берегъ.

Однако грусть Гюшнера умножалась ежедневно; сердце его раздиралось, когда онъ представлялъ себѣ, что долженъ будетеъ разстаться съ Женни, можетъ бышь и навсегда. Сія мысль приводила его въ претепъ и распроивала его духъ. Часпо казался онъ занякъ какимъ нибудь мрачнымъ предпріятіемъ; иногда бродилъ по кораблю, ничего не примѣчая, или сидѣлъ неподвижно и въ глубокой задумчивости смол-

рѣлъ на палубу; иногда же уси-
ливаясь бышь веселымъ, гово-
рилъ съ живоспiю; но вздохи
прерывали его рѣчь, и несвяз-
ныя выраженiя открывали смя-
шенiе его сердца.

Женни, будучи благодарна
Гюшнеру за все вниманiе, копо-
рое онъ ей оказывалъ въ продол-
женiе пушешествiя, вскорѣ уз-
нала, что чувствво, гораздо нѣ-
жнѣе признашельности, зани-
мало ея душу. Капитанъ пред-
ставлялся ей безпрестанно въ
самомъ прелестномъ видѣ: спро-
гой разсудокъ осуждалъ эту
мысль, но любовь ее одобряла.
Она старалась избѣгать про-
гашельныхъ и печальныхъ взо-
ровъ Гюшнера, но неизвѣстная
сила обращала на него глаза ея:
они встрѣчались съ глазами Ка-
питана, и любовь соединяла ихъ

души. Не смѣя обьясниться, желала она скрыть свой пламень; но будучи вмѣстѣ, всегда его открывала: они понимали другъ друга, не говоря ни слова.

Наконецъ открылись берега Англии и корабль пришелъ вскорѣ въ Плимутъ. Ничто не могло сравниться съ смяченіемъ Капитана, кромѣ горести Женни, которая не могла удержавъ своихъ слезъ. Братъ ея приповорядился, будто ихъ не видитъ; но когда же принужденъ былъ бытъ ихъ свидѣтелемъ, то приписывалъ ихъ неудачному своему путешествію.

Вечеромъ Гюпнеръ велѣлъ бросить якорь въ виду гавани, куда онъ хотѣлъ войти на другой день; тотчасъ спустили шлюбку, и Капитанъ отправилъ ее на берегъ. Сиръ Карлъ,

не бывъ о томъ извѣщенъ, жалѣлъ, что въ ней не уѣхалъ; но Женни была весьма довольна симъ случаемъ, которой доставлялъ ей удовольствіе видѣть Гюшнера еще нѣсколько времени. Сердце ея раздиралось, когда она предсказывала себѣ, что скоро должна будетъ его оставить. Горестъ Капишана умножалась ежеминутно, и между шѣмъ, какъ весь экипажъ радовался, видя конецъ своимъ безпокойствамъ, опчаяніе было написано на его лицѣ.

Сиръ Карлъ, вспомнивъ, что онъ былъ обязанъ пассажиру, которой прошивился отъѣзду корабля отъ острова, хотѣлъ благодарить его, но не могъ нигдѣ его найти. Гюшнеръ сказалъ ему, что онъ уѣхалъ уже на берегъ. Сиръ Карлъ, почи-

пая благодарность святымъ закономъ, весьма жалѣла, что не оказала ее челѣвѣку, одолжившему его такъ много.

Когда шлюпка возвратилась на корабль, то Гюшнеръ велѣлъ шлануться въ гавань, почему всѣ изговорились сбѣзжать на берегъ. Онъ просилъ Сиръ Карла прожить нѣсколько времени въ домѣ его пріятеля, въ которомъ для него были приготовлены комнаты. Дабы не огорчить еще болѣе сестры своей, Сиръ Карлъ на это согласился; сверхъ того онъ хотѣлъ узнать Гюшнеровы приключенія, что казалось ему удобнѣе, живши съ нимъ вмѣстѣ.

Радость сіяла въ глазахъ Женни, когда она услышала, что будешь жить въ одномъ домѣ съ Гюшнеромъ. Сиръ

Карлъ, любя нѣжно сестру свою, примѣтилъ ея удовольствіе; онъ желалъ утвердить ея счастье, есѣли происхождение Капитана это позволяло.

Свѣхавъ на берегъ, Гюпнеръ отвелъ Сиръ Карла и сестру его въ прекрасной домъ, гдѣ, казалось, ожидали ихъ съ неперпѣніемъ; ихъ приняли весьма учтиво и Сиръ Карлъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что будетъ жить съ любезными и умными людьми.

Въ первой день путешественники наши приняли опдохновеніе, а на другой Гюпнеръ перевозилъ ихъ пожитки. Между тѣмъ Сиръ Каръ и Женни ходили по городу, осматривали арсеналъ, и видѣли въ верьфи корабль, которой былъ уже совсѣмъ готовъ для спуску на во-

ду. Обширное это зданіе имѣло сто шестьдесятъ три фута длины, сто сорокъ чешыре ширины; оно спояло на твердыхъ стапеляхъ, а подъ него поддѣланы были родъ саней, выдавшихся въ море. Женни, желая видѣть спускъ его, возвратилась туда на другой день съ Сиръ Карломъ. При нихъ намазали киль саломъ, такъ какъ и сани, и корабль будучи съсѣмъ изготовленъ, держался только на нѣсколькихъ подпорахъ и на канатѣ, привязанномъ къ сваѣ. Какъ скоро сдѣлали знакъ, то нѣсколько подпорокъ и канатѣ были перерублены; корабль покапился по санямъ, и вскорѣ спустился на воду. Когда онъ остановился, то машеры съѣвъ на шлюпки, припрянули его къ гавани и начали оснащивать.

Зрѣлище эпо доставило великое удовольствіе Сирѣ Карлу и сестрѣ его; они удивлялись искусству и отважности изобрѣшателя сихъ плавающихъ зданій. Возвращаясь домой нашли они Гюшнера, погруженнаго болѣе, нежели когда нибудь, въ мрачныя его мысли. Казалось, что онъ былъ весьма занятъ; душевное волненіе было написано на его лицѣ.

„Гюшнеръ, сказалъ Сирѣ Карлѣ, мы скоро разстанемся; но прежде я хочу имѣть доказательство швоей дружбы. О! говори, чего ты отъ меня требуешь? отвѣчалъ Капитанъ. „Я надѣюсь повторилъ Сирѣ Карлѣ, что ты расскажешь мнѣ свои приключенія.“ *Охотно; мнѣ нужно только сдѣлать на кораблѣ нѣкоторыя приказанія; но всегдѣ*

ру ествли тебѣ угодно притти на пристань, то гуляя тамъ я буду ихъ тебѣ разсказывать. . . . Извини, что теперь мнѣ нужно тебя оставить. . . . вѣтеру я тебѣ ожидаю.

Выходя, Гюшнеръ бросилъ нѣжный взглядъ на Женни, копорая не смѣла поднять глазъ. Чпо касаетса до Сиръ Карла, то онъ радовался тому, чпо скоро узнаетъ произхождение своего друга, и чпо еспьли онъ споилъ Женни, то соединивъ ихъ, составитъ ихъ благополу- чіе.

Сиръ Карлъ и сестра его пошли на пристань, такъ какъ общали Капишану, и ожидая его, съ удовольствіемъ сморѣли на зрѣлище, копорое имъ предсшавлялось.

У пристани было множесп-

во судовѣ , легко колеблемыхъ волнами; многочисленныя мачты ихъ уподоблялись обнаженному лѣсу; вдали видны были рыбацкія барки, изъ коихъ нѣкошорыя уже приставали къ берегу, между шѣмѣ шьма народу раскупала рыбу, кошорой цѣна прибавлялась по мѣрѣ шого , какъ она переходила изъ рукъ въ руки; съ другой стороны шли носильщики съ шоварами для нагруженія судовѣ ; на мачтахъ видны были Юнги, поправляющіе снасти ; удары работающихъ плотниковъ раздавались въ воздухѣ ; конопашчики опускались въ воду для починки судовѣ въ подводныхъ частяхъ; вдали густой дымъ помрачалъ воздухъ: онъ производилъ отъ кипящей смолы , кошорою обмазывали суда. Однимъ сло-

вомъ, вездѣ видна была дѣятельность; всѣ работали съ приближеніемъ; и казалось, что каждой забывалъ свои шруды, наполняя воздухъ веселыми пѣснями, которыя были иногда прерываемы пушечною спрѣльбою съ кораблей, выходящихъ изъ гавани.

Сирѣ Карлъ и Женни долго смошрѣли на это прекрасное зрѣлище; но какъ удовольствіе ихъ ни было велико, они ожидали съ неперпѣніемъ Капишана. Соскучивъ его медлительностію, Сирѣ Карлъ прохаживался по приспани; не взирая на темную ночь, которая начинала приближаться, увидѣлъ онъ мапросовъ съ Гюшнорова корабля, и пошелъ съ ними поговорить. Едва успѣлъ онъ къ нимъ подойти, какъ

покрытъ былъ большимъ покрываломъ, которое на него накинули. Онъ хотѣлъ освободиться, но его немедленно схватили и донесли; онъ чувствовалъ, что его заперли въ сундукъ и повезли далѣе.

Какъ скоро онъ былъ запертъ, то легко могъ выпутаться изъ покрывала, въ которое было обернутъ. Спиральная его шюрма была довольно пространныя, и, казалось, приготовлена такъ, чтобы ему было въ ней покойно. Какая тѣма идей представлялась его уму! Что воспослѣдовало съ Женни? Какой тайной непріятель ихъ разлучаетъ? За чѣмъ его похищаютъ? За чѣмъ заперли его въ этотъ сундукъ? Не хотятъ ли бросить его въ море? Однако онъ забываетъ всѣ грозившія

ему опасности, и думаетъ только объ сестрѣ своей: она одна занимаетъ его мысли. Онъ щипалъ себя погибшимъ, но для одной Женни сожалѣлъ объ жизни; лишась брата, какой участи будетъ она подвержена?

Трясеніе, чувствуемое Сирѣ Карломъ въ его шюрмѣ, скоро кончилось; оно перемѣнилось въ тихое движеніе, которое, казалось ему, происходило отъ колебанія волнъ: не уже ли дѣйствительно предали его на ихъ волю? Онъ хочетъ въ этомъ увѣришься; спарается разбишь сундукъ, но не можетъ въ томъ успѣшь; слушаетъ со вниманіемъ, но ни малѣйшій шумъ до него не доходитъ. Наконецъ чувствуетъ, что его подняли: первыя попрысенія возобновились, но за ними послѣдовала тишина.

Черезъ нѣсколько минутъ Сиръ Карлъ слышитъ, что сундукъ его оппирающъ: крышка поднимается, и при слабомъ свѣтѣ лампы онъ видитъ себя окруженнаго Гюшнеровыми мапросами, съ которыми хопльъ говоритъ на приспани. Опъ удивленія не можетъ онъ выговоритъ ни слова, и мапросы уходящъ прежде, нежели онъ пришелъ въ себя.

Наконецъ онъ вылезаетъ изъ своего сундука, и видитъ, что находится въ каютѣ, сдѣланной въ прюмѣ корабля. Койка, стулъ и столъ составляли ея мебель; столъ былъ уставленъ кушаньемъ; но ахъ! можетъ ли несчастный Сиръ Карлъ думать о пищѣ! Пораженный недоумѣнiемъ, онъ принимаетъ это за ужасный сонъ;

но шумъ волнъ, крикъ матросовъ и движеніе судна увбряютъ его въ прошивномъ.

Погрузившись въ размышленіе, онъ спарается постичь причину эшаго спраннаго похищенія; кто былъ эшомъ похищитель, когда послѣ продолжительнаго путешествія едва успѣлъ онъ свѣхаться на берегъ, и когда никто еще не зналъ объ его возвращеніи? Сиръ Карлъ не имѣетъ непріятелей; онъ никому не сдѣлалъ вреда и поному не опасался мщенія. Не уже ли любовь шому причиною, Не уже ли Гюшнеръ? . . . Но онъ не хочеть обидѣть своего друга подозрѣніемъ. Однакожъ онъ узналъ его матросовъ; они его похищили и привезли на корабль . . . Гюшнеръ звалъ Сиръ Карла на приспань; и слѣдств-

венно это были сѣти, чтобы
 разлучить его съ Женни, кото-
 рая оспавалась такимъ обра-
 зомъ на волю своего любовника.
 Все обвиняло Гюшнера; но Сиръ
 Карлъ не можетъ повѣрить,
 чтобы онъ былъ способенъ къ
 такому жестокому насилію;
 онъ любитъ Женни; Сиръ
 Карлъ въ этомъ не сомнѣвает-
 ся, и это увѣреніе достаточ-
 но для опроверженія всякаго
 подозрѣнія. Истинная любовь
 основана на почтеніи, и такъ
 какъ Гюшнеръ истинно лю-
 битъ Женни, то долженъ ее
 почитать; онъ вѣрно не захо-
 четъ сдѣлаться недостойнымъ
 любимшаго его предмета споль-
 гусною измѣною.

Такимъ образомъ благород-
 ная душа Сиръ Карла отверга-
 да всякое подозрѣніе на Гюш-

нера, и не взирая на вѣроятности, онѣ не сомнѣвался о добродѣтели своего друга. Разлученѣ будучи съ сестрою, онѣ утѣшалѣ себя мыслию, что Гюннерѣ заступитѣ его мѣсто, будетѣ ея подпорою, защитникомѣ, и отвезетѣ ее къ дяди его. Онѣ воображалѣ себѣ, что, доставя Женни спокойствіе, возвративѣ ея родственникамѣ, будетѣ заниматься участію своего друга; употребитѣ всѣ средства, дабы его отыскашѣ, и что, можетѣ быть, нѣкогда онѣ будетѣ ему обязанѣ освобожденіемѣ. Сирѣ Карлѣ подкрѣплялѣ себя сею сладкою надеждою, среди прискорбныхѣ идей, представлявшихѣ его воображенію.

Безпрестанно стараясь постигнуть причину своего похи-

щенія, Сирѣ Карлъ не могъ вку-
 шать пріятели сна. На дру-
 гой день онъ слышитъ, что
 отдвигаютъ задвижки; дверь
 отворяется, и входятъ два
 мапроза, которые принесли ему
 пищу: дверь была за ними топ-
 часъ заперта. Онъ спросилъ
 ихъ о причинѣ своего започе-
 нія. — *Мы ничего объ этомъ не*
знаемъ, отвѣчалъ одинъ изъ
нихъ. — Вѣдь вы меня похищи-
ли? — Правда. — Но за чѣмъ же?
Для того, что намъ за это за-
платили. — И гнусная прелестъ
золота могла склонить васъ
лишить невиннаго человѣка сво-
боды? — Невиннаго! что намъ де
этого нужды! — Кто велѣлъ вамъ
сдѣлать такой варварской по-
ступокъ? — Тотъ, кто запла-
тилъ за него деньги. — „Но имя
его? — Намъ запрещено это ска-

зываетъ. — По крайней мѣрѣ скажише, куда вы меня везете? — *Ты это узнаешь, какъ придемо къ мѣсту.* — Но не ужели мнѣ запрещено выходишь изъ моей тюрьмы на свѣжій воздухъ? — *Запрещено.* — Не могу ли я поговорить съ Капишаномъ? — *Мы ему объ этомъ скажемъ.* Говоря такимъ образомъ, маэрозы поставили на столъ принесенное кушанье, попомъ послушались въ дверь, и какъ скоро они вышли, то опяшь заперли задвижками.

Отвѣшны маэрозовъ на различные вопросы Сиръ Карла умножили только его недоумѣнiе; онъ надѣялся, что поговоря съ Капишаномъ, получитъ, можетъ быть, нѣкоторыя объясненiя и узнаетъ виновника своего похищенiя. Однако день

прошелъ, но Капитанъ не приходилъ, ожидая съ неперпѣнимъ исполненія своей прозъбы, спучалъ онъ крѣпко въ двери; но однѣ потрясенія задвижекъ ошвѣчали его ударами.

Въ слѣдующій день мапрозы принесли опять кушанье несчастному плѣннику. Онъ повпорилъ свою прозъбу, но не получилъ яснаго отвѣта. Прошло семь дней, и Сиръ Карлъ не видалъ никого, кромѣ двухъ маппрозъ; въ осьмой онъ былъ извлеченъ изъ своихъ размышлений залпомъ изъ пушекъ, за которыми немедленно послѣдовалъ другой; онъ не зналъ, что подумавъ объ этой стрѣльбѣ, продолжавшейся безпрестанно, какъ два маппроза вошли къ нему съ конопашчикомъ, которой принесъ смолу и свинцовые ли-

спы. Онъ узналъ тогда, что корсеръ гнался уже съ часъ за кораблемъ, на коемъ онъ находился, и что онъ получилъ два удара въ подводную часть.

Сиръ Карлъ, забывъ, что онъ въ заключеніи, хочешъ ипши сражаться, онъ бросается къ двери, но матрозы оспанавливаютъ его и сажаютъ на мѣсто; едва опошелъ онъ опъ двери, какъ новое ядро попадаетъ въ корабль и падаетъ у его ногъ. Вода входитъ въ спремленіемъ; но конопашчикъ пошчасъ закрываетъ ошверзше свинцовымъ листомъ, копорый обливаютъ сверху смолою, и такимъ образомъ оспанавливаетъ спремленіе воды.

Сраженіе продолжалось очень долго, и огонь былъ силенъ съ обѣихъ спсторонъ; но наконецъ

послѣдовала тишина и маэпрозы съ конопашчикомъ ушли.

Сирѣ Карлѣ, видя, что его оставили въ покоѣ, заключилъ, что корсерѣ или разбишѣ, или обращенъ въ бѣгство; и не зная, лучше ли бы была его участь; онъ доволенъ былъ шѣмъ, что не попался въ руки разбойниковъ. Вскорѣ потомъ услышалъ онъ удары конопашчика, которой конопашилъ поврежденныя мѣста снаружи.

Два дни пропекли послѣ этого сраженія и съ Сирѣ Карломъ ничего новаго не послѣдовало; въ ночь, на третій день, онъ вкушалъ въ первый разъ приятность благодѣтельнаго сна; однако воображеніе его, опягощенное идеями, смущавшими его днемъ, было въ нѣкоторомъ волненіи, и пред-

спавляло ему непрерывныя мечпы. Несчастныи братъ Женни видѣлъ сны восхищительныя; ему казалось, что онъ находится подлѣ своей матери, между тѣмъ, какъ отецъ его соединялъ Женни съ Гюпнеромъ. Любовь и удовольствіе сіяли на лицѣ Капитана; радость, умѣряемая скромностію, означалась въ глазахъ Женни; грудь ея колебалась, улыбка видна была на ея устахъ, щеки ея покрывались нѣжнымъ румянцемъ, и робкіе взоры искали согласія ея матери.

Сиръ Карлъ наслаждался этою пріятною мечтою, какъ былъ вдругъ пробужденъ: глаза его были крѣпко завязаны, и ему велѣли немедленно вставать. Чувствуя, что сопротивленіе бесполезно, онъ повинуется; его

одѣвають, и неразвязывая глазѣ, сажаятъ на шлюпку: онѣ слышатъ шумъ веселѣ, и вскорѣ выводятъ его на берегѣ. Вступивъ на землю, Сирѣ Карлѣ содрогаются; онѣ думаетъ, что его высаживаютъ на пустой островѣ, гдѣ и бросятъ. Тщешно дѣлаетъ онѣ вопросы двумѣ человекамъ, ведущимъ его подѣ руки: они не отвѣчаютъ ни слова; черезъ четверть часа его посадили въ карету; дверцы тотчасъ были затворены; раздался ударъ бича и лошади помчались.

Когда карета поѣхала, то ему развязали глаза; но не взирая на то, онѣ находился въ глубокой темнотѣ. Однакожѣ спустя малое время небольшой свѣтъ прошелъ въ карету, не взирая на предосторожности,

съ которыми спекла были за-
крышы; онъ увидѣлъ тогда,
что подлѣ него сидѣли два че-
ловѣка, но не могъ разглядѣшь
ихъ лицѣ.

Начавъ говорить съ своими
товарищами, или, лучше ска-
зать, съ надзирашелями, Сирѣ
Карлѣ повпорялъ прозьбу, дѣ-
ланную имъ на кораблѣ. Ему
отвѣчали, что не возможно
сказать мѣста, куда его везли,
и просили не дѣлать пустыхъ
вопросовъ, которыхъ къ со-
жалѣнію не лзя было удовле-
творить. Сирѣ Карлѣ удивлял-
ся вѣжливости, съ какою над-
зирашели его ему отвѣчали: это
еще болѣе погружало его въ не-
доумѣніе. Но не уже ли не от-
кроется причина сего похище-
нія? думалъ онъ; я не могу всег-
да осмашься въ щемношѣ : есшь-

ли гонимель мой хочеть моей смерти, для чего же бы мнѣ не знать, гдѣ она назначена? къ чему служишь эта странная тайна?

Сирь Карль размышлялъ такимъ образомъ, и мысли его въ безпорядкѣ слѣдовали одна за другою. Между тѣмъ новая идея пришла ему въ голову; спараясь щещепно узнать виновника своего похищенія, и причину, которая его къ тому побудила, онъ представилъ себѣ, что другой былъ назначенъ жертвою, и что его взяли ошибкою; идея эта показалось ему такъ вѣроятна, что онъ сообщилъ ее своимъ надзира-телямъ. Они опвѣчали ему со смѣхомъ, что это могло легко статься, но что онъ скоро о семъ узнаеть. Чѣмъ болѣе онъ

размышляя, тѣмъ приключеніе его казалось ему страннѣе; иногда даже казалось оно ему смѣшнымъ, и онъ какъ будто радовался тому, что былъ его Героемъ. Но напоминеніе о сестрѣ уничтожило мгновенно спокойствіе, готовое возвратиться въ его душу. Онъ представлялъ себѣ Женни одну, погруженную въ горесть и оплакивающую его поперю. Ужасная эта мысль приводила его въ отчаяніе; онъ приходилъ въ чрезмѣрной гнѣвѣ, хотѣлъ броситься на своихъ надзирапелей, и въ бѣшенствѣ своемъ чувствовалъ довольно силы задушить ихъ; но потомъ мгновенно познавалъ заблужденіе своего разсудка и гнѣвѣ его утешался; однако не менѣе того онъ съ неперпѣніемъ ждалъ

развяэки эшаго спраннаго приключенія.

Кареша, будучи всегда закрыша, бхала весьма скоро; уже нбсколькo разб перембняли лошадей, и надзирашели Сирб Карла спрашивали, не ослабблв ли онб? Онб опвбчалб, что охотно бы желалб выпши, хотя не надолго, на чистой воздухб; но вмбсто того надзирашели его подали ему нбсколь-фрукшовб, которые онб долженб былб принять оцупью. Ему показалось, что товарищи его пили; онб вздумалб воспользоваться симб случаемб; онб самб попросилб у нихб пишь, и они подали ему бутылку прекраснаго вина, кошораго онб нбсколькo оппилб; попомб пришворяясь будшо часто пьешб, хошблв склонишь

своихъ надзирашелей къ шому же; по обыкновенному ли своему вкусу, или дѣйствишельно по хитрости Сирѣ Карла, только они пили и говорили много. Пльбный видя, что онѣ доспигѣ своей цѣли, спарался узнать онѣ нихѣ хитрымѣ образомѣ имя своего гонителя, и куда его везутѣ; однако вопросы его оспались безѣ отвѣта: ибо они вскорѣ уснули. Сонѣ ихѣ оживилѣ его надежду; ему казалось возможнымѣ уйши, и онѣ изыскивалѣ къ шому всѣ средства, ожидая, чтобы надзирашели его крѣпче уснули.

Опасаясь разбудить своихѣ аргусовѣ, Сирѣ Карлѣ едва смѣлѣ дышать; съ великою робостию приступаетѣ онѣ къ своему предпріятію — сердце его сильно бьется. Находясь

въ совершенной темнотѣ, началъ онъ ощупывать около себя и около своихъ надзирашелей, полагая, что у нихъ было какое нибудь оружіе; однако не нашедъ ничего, рѣшился выскочить изъ кареты; онъ спарался ее оппереть, и опвискалъ уже придверную ручку, копорая начинала уступать его усилию. Но вдругъ лошади остановились, и дали шакой сильной толчокъ каретѣ, что надзирашели его проснулись.

Сиръ Карлъ видя, что долженъ былъ опложить свое предпріятіе, выпустилъ шихонько ручку; онъ надѣялся, что надзирашели его опять скоро заснутъ. Черезъ нѣсколько минутъ карета опять побѣжала, и по спугу могъ онъ заключить, что она бѣжала по

мосту; вскорѣ свѣхала она на ровную землю, и Сирѣ Карлу казалось, что позади ихъ затворились съ шумомъ ворота; шаги лошадей слышались, какъ будто подъ сводомъ. Наконецъ зашрублили въ роги, карета остановилась и надзирашели сказали: „вошѣ уже мы и приѣхали! —“ Слова эти разрушили надежду Сирѣ Карла и привели его въ шрепешѣ.

Дверца отворилась; надзирашели вышли и вывели Сирѣ Карла. Лишенѣ будучи нѣсколь-ко дней дневнаго свѣта, онѣ былѣ ослѣпленѣ солнечнымъ блескомъ и едва было не лишился чувствѣ; однако зрѣнѣе его мало помалу укрѣпилось, и и онѣ увидѣлѣ, что находишся на обширномъ дворѣ, окруженномъ зубчатыми стѣнами.

Внутри его былъ замокъ, котораго Готическая архитектура казалась произведеніемъ ошдаленныхъ вѣковъ; однако, не взирая на его древность, замокъ эшотъ былъ въ хорошемъ состояніи.

Между тѣмъ, какъ Сиръ Карлъ разсматривалъ фасадъ эшаго зданія, ошворилась въ сѣни дверь, и къ нему подошли шесть человѣкъ, одѣтые въ длинныя черныя плашья; головы ихъ были покрыты покрывалами той же краски, сквозь копорыя они могли видѣть, но лицъ ихъ никакъ не лзя было разглядѣть.

Эти шесть человѣкъ стали около Сиръ Карла, и сдѣлавъ ему знакъ за собою слѣдовать, повели его въ замокъ. Онъ шелъ по великолѣпной лѣстницѣ изъ

блага мрамора, и какъ скоро
его ввели въ прекрасную ком-
нату, то и оставили одного.

Г Л А В А V.

Комната, въ которой оста-
вили Сиръ Карла, была обита
синею камкою; внутри ея на-
ходился широкой алковъ, гдѣ
стояла кровать изъ такой же ма-
тери; столбы ея означали пыш-
ность ея и величоссть; оспальная
мебель была также великолѣп-
на, не взирая на то, что по-
казывала равномѣрно свою древ-
ность. Комната эта была укра-
шена двумя поршрешами въ че-
ловѣческой роснѣ; одинъ пред-
ставлялъ *Ланцелота дю Лакъ*,
имѣющаго при себѣ всѣ оружія,
а другой прекрасную *Женевз-
су*, жену Артура Англійскаго

Короля, основателя права круглаго стола (*). Смотри на сіи картины Сирь Карль преносился воображеніемъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ; онъ представлялъ себѣ героическія времена, въ копорыя вѣрность, чистосердечіе и любовь были всегда принадлежностію этихъ храбрыхъ воиновъ, почитающихъ святымъ закономъ защищать угнетенную бѣдностію и помогать несчастной добродѣтели.

Какая тѣма идей рождались въ душѣ Сирь Карла! То казалось ему, что Ланцелотовъ портретъ былъ поставленъ въ его комнату съ тѣмъ, чтобъ быть свидѣтелемъ несправед-

(*) Во время Артура нѣкоторые Рыцари имѣли право обѣдать съ нимъ за круглымъ столомъ.

ливости и насилія, которыя прошивъ него употребляли; потомъ считалъ за шѣмъ, чтобы возбудить его къ великимъ подвигамъ, къ которымъ его готовили. Такимъ образомъ умъ его, утмясь въ изысканіи причины сего приключенія, представляя ему мечты о славѣ,

Сидя прошивъ картинъ, Сиръ Карлъ смотритъ на нихъ съ восхищеніемъ; воображеніе его распалается: онъ видитъ въ Ланцелотѣ образецъ, которому долженъ послѣдовать; ему кажется, что полно одушевляется, и что взоры Рыцаря на него усремляются. Погруженный въ эту странную мысль, онъ не слышитъ, что происходитъ спукъ у его двери; но наконецъ она опворяется и онъ выходитъ изъ своего забвенія.

Нѣсколько человекъ, одѣ-
тыхъ также какъ шѣ, которые
его встрѣшили, вошли къ не-
му; двое спали у дверей, ме-
жду шѣмъ, какъ остальные на-
крывали сполъ и усадили его
вкуснымъ кушаньемъ. Сирѣ
Карлъ, сохраняя всегда свое
хладнокровіе, сѣлъ за сполъ и
ѣлъ спокойно. Въ продолженіе
обѣда, онъ старался завести
разговоръ съ служителями; но
они наблюдали глубокое молча-
ніе; онъ истощилъ все свое
краснорѣчіе, чтобы ихъ скло-
нить къ опѣшамъ; но все бы-
ло напрасно: даже самое золо-
то не подѣйствовало. Каза-
лось, что они будто не слыха-
ли его словъ: ибо спояли око-
ло него не подвижно; только,
когда онъ имѣлъ въ чемъ надоб-
ность, то они немедленно ее

удовлетворяли; но какъ скоро начиналъ говорить, то не дѣлали даже ни малѣйшаго движенія. Наконецъ это упрямое молчаніе заснавило его подумавъ, что эти люди были нѣмы.

Когда онъ поѣлъ, то столъ былъ прибранъ съ послѣдностію; черные люди удалились, и дверь, кою толщина удивила плѣнника, затворилась безъ шума: онъ слышалъ, что весьма тихо задвинули задвижки. Ему казалось, что хотѣли облегчить его участь самымъ нѣжнымъ вниманіемъ.

Все это удивляло Сиръ Карла; прекрасно изготовленное кушанье доказывало, что не хотѣли его умерщвить; великолѣпіе его шюръмы, чистый воздухъ, копорымъ онъ могъ дышать, открывъ окошко

въ обширной садѣ, усердіе прислуживающихъ: все означало вниманіе, которое къ нему имѣли, и богатство его гонителя. Но съ какимъ намѣреніемъ онъ его похитилъ? какая участь ему была предоставлена? онъ безпрестанно изыскивалъ причину этой непоснижимой шайны.

Отворивъ окошко, могъ онъ выйти на балконъ, обгороженный желѣзною рѣшеткою; онъ сѣлъ на немъ и до самой ночи смотрѣлъ на великолѣпной садѣ, которой ему представлялся. Видѣ красоть природы возбудилъ въ немъ любовь къ свободѣ; онъ вздохнулъ, что былъ ее лишенъ, и думалъ непрерывно о средствахъ возвратить ее. Но какъ уйти отъ своихъ гонителей? да если бы онъ и

успѣлъ въ томъ, шо куда итти? Онъ не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ находишься; молчаніе и черное одѣяніе людей, его окружающихъ, не позволяютъ даже и догадываться. Корабль, на которомъ его везли, шелъ девять сутокъ; но гдѣ онъ остановился? привезенъ ли онъ во Францію, Гишпанію, или Германію? кто рѣшилъ его сомнѣніе?

Когда наступила ночь, по покрытые люди вошли опять въ комнату и принесли ужинъ. Сиръ Карлъ сѣлъ за столъ, меньше съ тѣмъ, чтобы бить, какъ съ тѣмъ, чтобы поглядѣть со вниманіемъ на спранныхъ своихъ прислужниковъ. Онъ надѣялся, что при свѣчахъ разсмотримъ сквозь покрывала ихъ лица, и тогда, можешь бышь, нѣкопорохъ

узнаетъ. Но тщетно напрягалъ онъ свое зрѣніе; онъ никакъ не могъ увидѣть лицъ. Убѣжденъ будучи опытомъ, что вопросы его оставались безъ отвѣта, Сиръ Карлъ вышелъ изъ за стола не сдѣлавъ ни одного: ужинъ прибрали и оставили въ его комнатѣ лампаду.

По опшествіи эсихъ молчащихъ служителей онъ вздумалъ, что часто пользовались ночнымъ мракомъ, дабы пугать такихъ же плѣнниковъ какъ онъ, возмущая сонъ ихъ необычайными явленіями. Будучи слишкомъ уменъ, чтобы бояться эшаго вздора, онъ хотѣлъ однако увѣриться, что не готовятъ ли ему такихъ испытаній, которыя пугаютъ ребятъ, но презираемы благоразумными людьми. Онъ ощупалъ

всѣ стѣны, и не нашелъ нигдѣ отверстія, кромѣ двери, въ которую вошелъ; каминъ былъ загороженъ желѣзною рѣшеткою; полъ казался крѣпокъ, однимъ словомъ, ничто не подавало Сирѣ Карлу подозрѣнія, чтобы онъ былъ подверженъ видѣнью ложныхъ привидѣній; онъ легъ въ постель, и прерывное имъ покоиство доставило ему мирной сонъ.

На зарѣ Сирѣ Карлъ былъ пробужденъ пріятною мелодіею восхитительной музыки: безчисленное множество птицъ пѣли въ роуцахъ сада. Онъ сѣвшиль вспашъ и открылъ окошко, дабы насладиться плѣнительнымъ ихъ концертомъ. Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на эшотъ садъ, гдѣ красота искусства мѣшались

съ природными ; восходящее солнце позлащало вершины деревьев , колеблемыхъ упреннымъ зефиромъ ; птицы , лешающія по ихъ вѣтвямъ , казалось , привѣщивовали другъ друга ; благодѣтельная роса блистала на ихъ листьяхъ ; цвѣты , оживленные свѣжестію ночи , наполняли воздухъ благоуханіемъ .

Прекрасная картина пробудившейся природы истребила на нѣсколько времени грусть Сиръ Карла ; но онъ крайне сожалѣлъ о томъ , что не могъ гулять въ тѣни эфѣхъ прелестныхъ рощицъ ; надежда найти въ нихъ средство уйти изъ своего заключенія , раждала въ немъ сильнѣйшее желаніе въ нихъ походить .

Въ восемь часовъ утра онъ услышалъ легкій стукъ у две-

рей своей комнапы; онъ спросилъ, кто спучилъ? но ему не отвѣчали; черезъ нѣсколько минутъ подали ему завтракъ. Не взирая на упрямое молчаніе покрытыхъ людей, онъ спросилъ: не позволено ли ему выйти въ садъ? Всѣ молчали, но одинъ тотчасъ вышелъ; онъ возвратился чрезъ четверть часа и сдѣлалъ Сирѣ Карлу знакъ за собою слѣдовать. За дверью онъ увидѣлъ двухъ челоѣкъ, одѣтыхъ также, какъ и всѣ тѣ, которые встрѣчались ему въ замкѣ. Эти два челоѣка, проведя Сирѣ Карла черезъ длинной коридоръ, свели въ садъ, гдѣ не удаляясь отъ него, дали ему полную свободу.

Сирѣ Карлѣ могъ выбирать дорогу, какую ему угодно; надзиратели его не прошивались:

они слѣдовали за нимъ нѣсколь-
ко шаговъ позади. Сначала онъ
пошелъ къ своему окошку, и
подошедъ къ нему, не видалъ
ничего такого, чшобы могло
споспѣшесинвовашъ его побѣгу.
Рѣшетка балкона была крѣпко
вдѣлана въ стѣну, которая
была такъ гладка, что никакъ
не лзя было по ней спустить-
ся, хопя бы и можно было из-
ломать рѣшетку.

Огорченный эшимъ ошкры-
тіемъ, Сиръ Карлъ думаетъ,
что ему позволили гулять въ
саду единственно съ тѣмъ
намѣреніемъ, чшобы убѣдить
въ невозможности уйти изъ
своего заточенія. Тогда онъ
вздумалъ въ него не возвра-
щаться: онъ хотѣлъ опойши
далѣе отъ замка, найши въ
стѣнѣ удобное мѣсто, чшобы

перелестъ, опломить толстый сукъ ошъ дерева, напасъ на своихъ надзирашелей, принудить ихъ къ бѣгству и уйти черезъ стѣну. Онъ шелъ уже цѣлой часъ вдоль стѣны сада, но не находилъ еще приличнаго мѣста для исполненія своего намѣренія; и наконецъ ушмясь, отдыхаетъ въ кипарисной рощицѣ. Недалеко отсюда видитъ онъ спящую, изображающую надежду: это кажется ему добрымъ предзнаменованіемъ; онъ продолжаетъ итти далѣе и находитъ наконецъ мѣсто, гдѣ у самой стѣны была густая рошица; подлѣ нея лежало дерево, сломленное въпрямъ, коего толстые сучья могли служить ему оружіемъ. Сиръ Карлъ остановился, и чувствуя усталость,

опасается, что не достанетъ у него силъ для побѣгу, и что есѣли это узнаютъ, то могутъ скоро его догнать. Не хотѣвъ излишнею поспѣшностію поперять случая возвращенію свою свободу, онъ оплагаетъ свое намѣреніе до завтраго. Желая узнать, какъ далеко онъ находится отъ замка, притворяется, что чувствуетъ слабость, и проситъ своихъ надзирателей опвесити его ближнею дорогою. Однако онъ пришелъ не прежде, какъ черезъ четверть часа, и между тѣмъ разсмапривалъ со вниманіемъ всѣ предметы.

Возвратясь въ свое започеніе, Сиръ Карлъ чувствуетъ тихую радость, произведенную мыслию, что будетъ, можетъ бышь, скоро свободенъ; онъ съ

восхищеніемъ думалъ о своемъ предпріятіи, которое казалось ему весьма надежно.

Скоро поставленъ былъ обѣдъ; прогулка и внутреннее удовольствіе возбудили его аппетитъ. Когда прибрали столъ, по два человека, казалось, ожидали его повелѣнія, чтобы вести его въ садъ; но онъ не оказалъ къ тому желанія.

Оставшись одинъ въ своей комнатѣ, Сиръ Карлъ по ней прохаживался; онъ размышлялъ о своемъ предпріятіи, какъ вдругъ глаза его нечаянно устремились на портретъ Ланцелота. Небольшой зеленой рубчикъ, находящійся на рамѣ, привлекъ его вниманіе; онъ увидѣлъ тогда, что въ прехъ мѣстахъ этой рамы былъ мѣдной шарниръ, поддѣланной подѣ

золото. Замѣчаніе это убѣди-
 ло его, что портретъ скры-
 валъ какую нибудь шайну. Не
 только любопытство, но и на-
 дежда найти средство уйти
 изъ своего заключенія, внушили
 ему желаніе это изслѣдовать.
 Послѣ продолжительныхъ розыс-
 ковъ нашелъ онъ наконецъ
 винтъ, находящійся въ неболь-
 шой мѣдной шишкѣ; онъ спалъ
 его развинчивая, и какъ скоро
 вывернулъ, то и шишка съ
 нимъ опсала: портретъ по-
 вернулся на петляхъ и от-
 крылъ за собою небольшую
 дверь, запертую двумя задвиж-
 ками. Сиръ Карлъ отворилъ ее,
 и увидѣлъ въ стѣнѣ лѣстницу;
 онъ хотѣлъ по ней идти, но
 темнота принудила его оста-
 вить это предпріятіе; сверхъ
 того могли къ нему войти; и

такъ онъ рѣшилъ ждаль ночи, чтобы удовлешворить своему любопытству. Вставя порешъ въ свое мѣсто, прикрѣпилъ его шишкою, и ждалъ съ нестерпнѣмъ окончанія дня.

Послѣ ужина, Сиръ Карлъ отворилъ опять дверь, которая была за порешпомъ. Неустрашимый молодой человекъ сходитъ по лѣсницѣ съ одной лампадою, и, можетъ быть, подвергается большимъ опасностямъ.

Сойдя ступеней пятьдесятъ, находилъ онъ въ стѣнѣ желѣзную дверь; она была заперта извнутри, и потому онъ никакъ не могъ ее отворить: сверхъ того онъ боялся сдѣлать шумъ. Продолжая спускаться, увидѣлъ онъ внизу лѣсницы такую же дверь, на

копорою задвижки были снару-
жи. Такъ какъ онѣ были по-
крыты ржавчиной, то онѣ съ
шрудомъ ихъ отодвинулъ и от-
ворилъ дверь.

Тогда онѣ вошелъ въ под-
земелье, гдѣ видны были оспаш-
ки разпадшихся стѣнъ; мрач-
ное это жилище было отчасти
произведеніе природы и отча-
сти рукъ человѣческихъ. Из-
рѣдка видны были столпы чрез-
мѣрной величины, поддерживаю-
щіе сводъ. Одни были кирпич-
ные, другіе изъ природныхъ
камней; неправильная эта коло-
нада представляла самое стран-
ное зрѣлище; но она доставля-
ла удовольствіе Сирѣ Карлу:
ибо онѣ надѣялся найти гдѣ
нибудь выходъ.

Побуждаемъ этой мыслию,
Сирѣ Карлѣ обходящъ все по-

вороты подземелья. Наконецъ онъ подоидишь къ такому мѣсту, гдѣ сводъ спалъ очень низокъ; продолжая иппи, приходишь къ желѣзной двери, запершой према большими замками. Послѣ щепныхъ усилій опперешь ее, долженъ былъ возвратишься, и приходишь опяшь къ лѣспницѣ.

Первая эта неудача не оскорбила Сиръ Карла; пипаясь сладкою надеждою, пошелъ онъ въ другую спорону. Продолжая иппи, входишь онъ въ другое подземелье, какъ вдругъ слышишь движеніе часовъ. Долго колебался онъ, иппи ли далѣе; онъ опасался, чшобы его не увидали; но наконецъ любопытство преодолѣло спрахъ, и онъ пошелъ впередъ съ своей лампадою. Вскорѣ приходишь

онъ къ рѣшеткѣ, проспировавшейся поперегъ подземелья, и сквозь нее виднѣ машину чрезмѣрной величины, которой не можешь понять употребленія.

Между двумя мѣдными цилиндрами, имѣвшими по три фута въ діаметрѣ, находилось большое колесо съ двадцатью четьрьмя спицами; на половинѣ каждой изъ нихъ виднѣ былъ шарнирѣ, а на концѣ мѣдной шарикѣ. Ось этого колеса сообщалась съ другимъ зубчатымъ колесомъ, къ которому принадлежало еще множество небольшихъ колесъ, находящихся въ опверстіи, сдѣланномъ въ сводѣ. Въ срединѣ машины былъ тяжелый маяшникѣ, которой движеніемъ своимъ причинялъ шумъ, слышанной Сирѣ Карломъ, когда онъ вступилъ въ подземелье.

Между тѣмъ, какъ онъ раз-
смаприваетъ странную эту
машину, показалось ему, что
онъ слышитъ стонъ и рыда-
ніе вверху свода. Приложивъ
ухо къ рѣшеткѣ, слушаетъ со
вниманіемъ; однако все было
тихо, и онъ счелъ, что это
было дѣйствіе воображенія; но
черезъ минушу тѣ же вопли по-
ражаютъ его слухъ. Тогда, по-
ставя лампаду на полъ, онъ
взлезаетъ на вершину рѣшет-
ки и слышитъ слѣдующія сло-
ва, произносимыя съ рыданіемъ:
Мой лютый рокъ уже свершился!
Увы! онъ мнѣ опредѣлилъ
Скончашъ въ ужасномъ заключеніи
Несносны и плачевны дни!
О вы, которыхъ грусть терзаетъ
Въ разлукѣ съ милыми душъ!
Для васъ не все еще погубло —
Для васъ блеститъ надежды лучь!

И такъ умру я въ опдаленьи
 Отъ милыхъ мнѣ, пріятныхъ мѣстѣ;
 Супругѣ любезной не закроешъ
 Мои слезящіе глаза !

Святой любви плоды невинны
 Увы! отъ насъ похищены —
 Надеждой льститься я не смѣю
 Увидѣшь ихъ когда нибудь !

* * *

Тоской несносной удрученна,
 Когда я здѣсь скончаю жизнь,
 Слеза сунружеска, священна,
 Мой хладный прахъ не ороситъ !
 Судьбой жестокой, непреклонной,
 На скорби я осуждена —
 Я вижу люшой смерти жало —
 Надежды лучъ въ душѣ погасъ !

Сирѣ Карлѣ былъ пораженъ
 удивленіемъ. И такъ есть въ
 эпомѣ домѣ люди еще несчаст-
 нѣе его! Чпо же значило ужас-
 ное жилище, въ которомъ онъ
 находишся? Погруженный въ
 самыя мрачныя размышленія,

держался онъ на вершинѣ рѣшешки. Вдругъ часы бьютъ полночь: плачевный голосъ раздается ; машина начинаетъ дѣйствовать; колеса вертяшся и мѣдные шарики, ударяя въ цилиндры съ чрезмѣрною скоростью, производятъ прескъ, подобный грому.

Успрашенный симъ неожиданнымъ шумомъ, Сиръ Карлъ едва было не упалъ; но вскорѣ сбодрился, и машина пришла въ прежнее положеніе. Тишею слушаетъ онъ со вниманіемъ: смертное молчаніе царствуетъ въ обширномъ подземельѣ. Не слыхавъ болѣе ничего, онъ спускается внизъ, беретъ свою лампаду, и просовываетъ руки сквозь рѣшешку, дабы ощупать непонятную эту машину: вдругъ спускается

пружина, колеса начинаютъ опять вертѣться, и движеніе, которое онѣ причиняютъ въ воздухѣ, едва было не погасило лампы. Сирѣ Карлѣ удивляется этому уже безъ спраху; внимательно разсматриваетъ онѣ машину, которая опять вскорѣ останавливается. Но напрасно старается онѣ постичь ея употребленіе; наконецъ, не могши ничего узнать, удаляется онѣ съ сожалѣніемъ отъ мѣста, гдѣ есть несчастной, которому онѣ желалъ было помочь; теперь онѣ не имѣетъ на то никакого средства, но обѣщаетъ себѣ, что какъ скоро освободится изъ своего започенія, то будетъ немедленно стараться о бѣдномъ спрадальцѣ.

Обошедъ это подземелье,

Сирѣ Карлѣ находить еще новое, въ которое вошелъ также немедленно. Онъ былъ очень обрадованъ, когда увидѣлъ, что находишься въ такомъ мѣстѣ, которое давно оставлено: онъ ласкается надеждою найсти выходъ. Между разбросанными камнями видитъ онъ кучу обсыпавшейся земли, которая сдѣлала небольшое отверстіе вверху свода. Поспавя свою лампаду на камень, онъ взлезаетъ съ великимъ трудомъ на земляную кучу, достигая отверстія и видитъ въ него слабый свѣтъ луны и звѣздъ. Однакожъ почти не возможно было выйти изъ подземелья, потому что отверстіе это было въ колодезь, сорока футовъ глубиною. Сирѣ Карлѣ вспомнилъ, что прогуливаясь, видѣлъ

эпо мѣсто. Не взирая на за-
 прудненіе, онѣ хочеть вылезть
 изѣ колодезя; онѣ взлезаетѣ
 уже двѣ сажени вверху, какѣ
 вдругѣ обрывается и упадаетѣ
 внизѣ безѣ всякаго вреда. Три
 раза покушался онѣ на эпо
 предпріятіе и при раза имѣль
 шу же неудачу.

Изнуренный щещными сво-
 ими усиліями, онѣ видитѣ, что
 можетѣ сдѣлать себѣ вредѣ
 безѣ всякой пользы; дабы вы-
 лезть изѣ колодезя должно бы
 имѣль клинья, по которымѣ
 онѣ могѣ бы взбираться къ
 верху, втыкая ихѣ вѣ землю.
 Онѣ надѣется достать ихѣ,
 когда возвратится вѣ свою
 комнату; впрочемѣ, такѣ какѣ
 эпо мѣсто было очень обшир-
 но, то онѣ надѣялся найти
 другой выходѣ.

Мысль эта побудила Сирь Карла возвратиться въ подземелье; онъ взялъ свою лампаду и обошелъ его снова. Непримѣтнымъ образомъ подошелъ онъ къ лѣстницѣ, и хотѣлъ итти въ свою комнату за кольями, какъ вдругъ увидѣлъ отверстіе, закладенное камнями. Думая, что это былъ, можетъ быть, выходъ, онъ поставилъ лампаду и опваливалъ камни. Когда онъ опвалилъ ихъ столько, что можно было пролезть, то взявъ лампаду полезъ въ отверстіе; онъ вступилъ въ рытвину, въ концѣ которой была желѣзная рѣшетка, запертая двумя задвижками. Оподвинувъ задвижки, онъ вошелъ въ небольшой погребъ, вырытой въ бѣлой землѣ, которой былъ очень сухъ.

Сирѣ Карлѣ готовѣ уже былѣ выпити изѣ эшаго погреба сѣ прискорбною мыслию, что обманулсѣ вѣ своей надеждѣ, какѣ вдругѣ ему показалось что то вѣ одной впадинѣ; онѣ подходитѣ и видитѣ мершвое, высохшее шѣло. Оно было нагое и сидѣло приковано кѣ камню желѣзнымѣ поясомѣ и ошейникомѣ; на колѣняхѣ его лежалѣ свершокѣ бѣлаго сукна; вѣ одной рукѣ былѣ окровавленный гвоздѣ, а вѣ другой погасшая лампада.

Сирѣ Карлѣ опсипуаетѣ отѣ ужаса при эшомѣ плачевномѣ зрѣлищѣ; онѣ спойтѣ неподвиженѣ. Смотря на мершвое шѣло, онѣ думаетѣ, что, можетѣ спашься, и онѣ пошерпитѣ то же; онѣ видитѣ самага себя вѣ печальныхѣ ошташкахѣ злопо-

лучнаго, которой конечно умеръ жершвою адскаго мщенія. Но кто же обираетъ въ этомъ таинственномъ замкѣ, въ которомъ скорбь и смерть представляются попеременно въ ужасныхъ видахъ? Кто далъ жестокосердому пиранну власть похищать несчастныхъ изъ семействъ и лишать ихъ въ нѣдрахъ земли жизни?

Вскорѣ Сиръ Карлъ забываетъ собственные свои бѣдствія и думаетъ только о злополучномъ, находившемся передъ нимъ; онъ смотритъ на него съ состраданіемъ — вздохи стѣсняютъ грудь его и слезы текутъ изъ глазъ. Ему кажется, что на сукнѣ написаны слова; онъ подноситъ лампаду и видитъ дѣйствительно на немъ слова, писанные

кровью. Это умножаетъ его ужасъ; конечно кровь сія эшаго несчастнаго; каждое слово, имъ писанное, было для него испочникомъ новой скорби. Сиръ Карлъ содрогается, смотря на эшу рукопись; однако, надѣясь узнать черезъ нее имя гонителя сего несчастнаго, а можетъ быть и своего, беретъ ее дрожащею рукою; онъ думалъ, что скелетъ рассыпется, когда онъ пошевелилъ его; но онъ остался въ цѣлости, и Сиръ Карлъ понялъ тогда, что сухая, бѣлая земля, вбирая въ себя влажность, сберегла его.

Какъ скоро онъ взялъ окровавленную рукопись, то слышавъ вышши изъ эшаго погреба, и искавъ выхода, чтобъ уйти изъ замка, гдѣ видѣлъ ежеминутно новыя ужасы и опас-

ности. Онъ хотѣлъ обходить всѣ подземелья, какъ услышалъ что пробило шри часа: и движеніе машины раздалось снова подъ мрачными сводами. Видя, что уже приближался день, и опасаясь, что скоро узнаюшъ объ его побѣгѣ., рѣшился ждать до завтраго.

Онъ пошелъ въ свою комнату. Взойдя на верхъ лѣстницы и зашворивъ дверь, задвинулъ задвижки; попомъ пришворилъ каршину и укрѣпилъ винтъ, такъ что ни по чему не лзя было подозрѣвать, чтобы онъ выходилъ.

Приведя все въ порядокъ, Сиръ Карлъ осмошрѣлъ принесенную имъ рукопись; онъ увидѣлъ, что кусокъ сукна былъ не великъ, изъ самой тонкой шерсти. Липеры были очень

явственны, только похожи на гошическія, и, казалось, были писаны по крайней мѣрѣ вѣкѣ назадъ. Онъ хотѣлъ бы топчасъ узнать содержаніе; но изнуренный усалоспію, чувствовалъ необходимость во снѣ. Онъ бросился на постель, и едва могъ уснуть часъ: любопытство его разбудило; онъ развернулъ сукно и началъ читать (1).

(1) Не удивительно, что Кистонъ могъ написать свою исторію на сукнѣ: въ Национальной библиотекѣ находится множество рукописей на полотнѣ и шелковой матеріи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.
